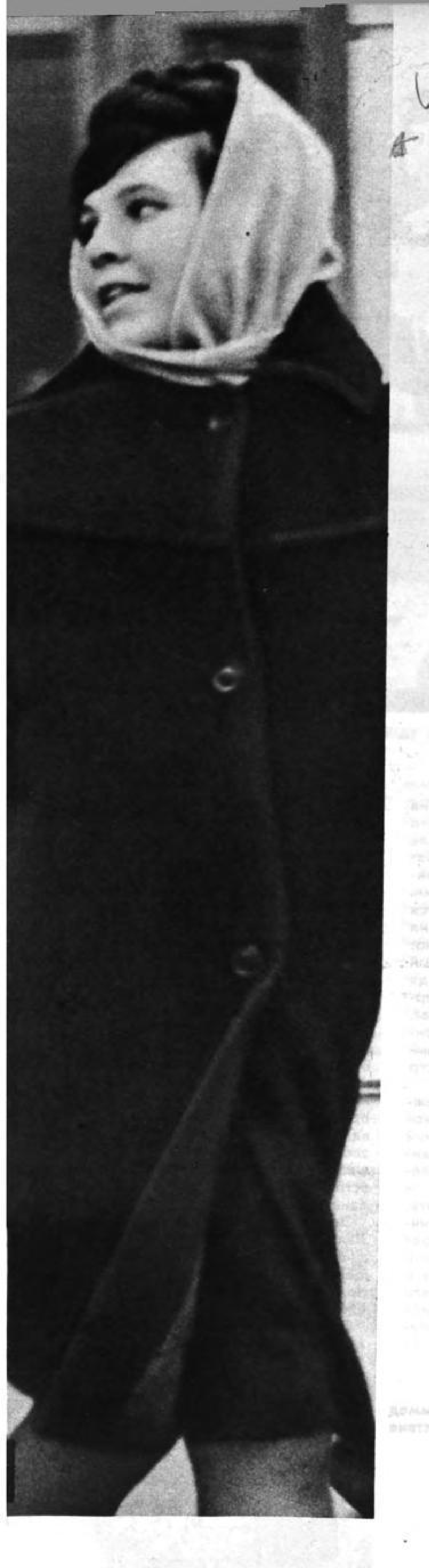

ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МАРИЙКИНЫ

Летопись предсъездовских дел

У Томки день рождения.

«...Важно не сколько, а как ты жил и какова была жизнь... Ухожу без страха! На память оставляю вам часть своего упорства»,— писала в своем дневнике чехословацкая героиня Мария Кудержикова. Она была фабричной девчонкой, как и те, о ком мы будем говорить. Ее казнили фашисты. Было ей двадцать два года.

Слова из дневника и портрет Марии мы увидели в сборочном цехе Орловского завода приборов, который выпускает детали для холодильников. Как попал туда этот портрет? Просто: в цехе есть участок ее имени. Даже больше — она «работает» здесь и «выполняет» сменные нормы, потому что навечно зачислена в списки бригады. На фотографии, которую подарили нам на заводе, Мария Кудержикова улыбается. Должно быть, веселым была она человеком. Людям мужественным и упорным никогда не чуждо чувство юмора, а о делах больших и серьезных они предпочитают помалкивать. Спросишь их об этом — отшутятся.

...Обеденный перерыв. Шестнадцатилетняя Аня Лупина сегодня первый раз в цехе. У нее первый рабочий день. Не шутка! Ребята обступили новенькую. Знакомятся. Ане трудно запомнить сразу столько имен. Все хотят знать о ней побольше.

— Где училась? Что любишь? Кем хотела стать? — сыплются вопросы.

— С детства хотела стать штурманом. Мои братья — моряки: один — капитан дальнего плавания, второй — штурман. Но — несправедливость какая! — девочек не принимают в мореходные училища.

Ребята понимающе улыбаются. Они тоже когда-то мечтали о дальних странствиях и приключениях. Но разве романтика только в море? Скорее всего она везде, где есть настоящее дело.

...Розовощекая Нина Илюхина, комсорг цеха, прерывает разговор:

— Скорей, скорей! Пока Томки нет.

У Тамары Маричевой сегодня день рождения, ей восемнадцать лет. Развернули сверток — мишка. Подарок положили на рабочий стол Тамары.

И вдруг взрыв смеха. Это рядом. Олег Ефимов в хохочущем кольце.

— Однажды в воскресенье, летом еще, гуляли мы в лесу. Жара была, разморило. Мы — к реке. Разбежался я, нырнул — и вынырнул без очков. На следующий день не выполнил норму: без очков не мог паять.

Старший мастер цеха Валентин Семенович Козлов тоже смеется, а потом говорит:

— Ребята, дело есть тут одно.

И все мигом стихают. Слушают. Дело важное: к съезду партии надо выполнить новый заказ. Для Кубы. Заказ особый, для тропического климата. Корпуса приборов будут изготавливаться из специального состава.

...Звонок. Перерыв кончился, рабочий день продолжается. Мимо нас пробегает девушка. Это Алла Васильева с участка Марии Кудержиковой. Она немного опоздала: писала письмо в Прагу, тетушке Анне, матери той, кто оставил людям свой дневник и завещал им «часть своего упорства».

А вот слова из другого дневника, из дневника рабочих: «Бригада из-за плохой подачи деталей отстала от плана. Поэтому работаем с максимальным напряжением. Тяжело приходится, но Марийке было тяжелей. И девчонки работают, не считаясь со временем, несмотря на усталость. В цехе сегодня было тихо. Не до разговоров, не до смеха».

Когда мы спросили о том трудном дне, ответом нам были задорные улыбки, очень похожие на ту, которую сохранила фотография, присланная из Праги.

Марийкины друзья... Маленькая частица большого коллектива Орловского завода, вышедшего на старт новой пятилетки с удвоенной по сравнению с прошлым годом программой. Хорошее это подспорье тем, кто добивается ныне значительного увеличения выпуска домашних фабрик холода...

Марат ЦЕБОЕВ
Фото А. УЗЛЯНА.

ДРУЗЬЯ

ТАШКЕНТ — ГОРОД НАДЕЖДЫ

Генрих ГУРКОВ,
Юрий СБИТНЕВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

На ташкентском аэродроме, на огромном бетонном поле, густо уставленном самолетами, возле аэрофлотских «ТУ» и «ИЛов» стоят две крылатые машины с иностранными опознавательными знаками. Вдоль фюзеляжа одной тянется надпись: «Пакистан Интернейшнл Эйрлайн»; на другой написано: «Эйр Индия». И каждый новый гость узбекской столицы, проходя мимо здания аэровокзала, задерживает взгляд на этих самолетах. Все знают: на них в Ташкент прибыли президент Пакистана Мохаммед Айюб Хан и премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри.

Когда в разгар конфликта между двумя этими странами, в момент вооруженных столкновений на их границе, Советское правительство обратилось с предложением к руководителям Индии и Пакистана встретиться в Ташкенте, установить непосредственно личные контакты и найти мирное решение спорных проблем, скептики и маловеры из числа политиков и журналистов только пожимали плечами. «Утопия» — такова была их оценка советского предложения. И вот сегодня некоторые из этих скептиков, представляющие крупнейшие газеты западного мира, стоят в зале Дома правительства Узбекистана, вокруг большого круглого стола, на котором три таблички: «Индия», «Пакистан», «СССР» (как известно, в соответствии с пожеланиями пакистанского и индийского руководителей в их встрече принимает участие Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин). Стоят и записывают в блокноты такие, например, слова:

«Прежде всего я хочу передать Вам, Председатель Косыгин, то чувство искреннего удовлетворения, с которым мой народ, мое правительство и я сам приветствовали Вашу смелую инициативу, позволившую мне и президенту Пакистана Мохаммеду Айюб Хану встретиться в этом историческом азиатском городе».

Это говорит премьер-министр Лал Бахадур Шастри.

«Глаза всего мира сейчас обращены на Ташкент... обратимся отсюда со словом надежды к нашим народам».

Это предлагает президент Мохаммед Айюб Хан.

Премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри в окружении репортеров.

Лал Бахадур Шастри, Мохаммед Айюб Хан и А. Н. Косыгин во время встречи в Ташкенте.

Президент Пакистана Мохаммед Айюб Хан отвечает на приветствия ташкентцев.

Официальное открытие встречи между президентом Пакистана Мохаммедом Айюб Ханом и премьер-министром Индии Лалом Бахадуром Шастри.

А скептики... Впрочем, хватит о них. Они здесь в явном меньшинстве. И хотя среди 170 журналистов, приехавших из десятков стран, официального референдума не проводилось, из встреч, бесед, кулуарных дискуссий мы вынесли твердое убеждение: большинство считает важным успехом дела мира уже сам факт ташкентской встречи.

Не знаем, в скольких странах редакторы, морщась, будут вычеркивать из отчетов своих корреспондентов слова о погоде, стоящей в эти дни в Ташкенте. Надеемся, что наши редакторы этого не сделают. Потому что погода действительно поразительная. Вместо зимы, то снежной, то дождливой, обычной здесь для первых чисел января, в город внезапно пришла солнечная и ясная весна. Пишем эти строки и смотрим из окна гостиницы — люди идут в летних костюмах, пальто носят немногие, да и то, вероятно, по инерции. На термометре 20 градусов тепла. Говорят, что даже скворцы вернулись в эти дни в Ташкент с мест зимовки. Между прочим, места эти — Индия, Пакистан... Ну, согласитесь, трудно не упомянуть о такой погоде. Тем более, что она вполне соответствует атмосфере, в которой начались переговоры.

Вот один пример. Сразу же после окончания первой официальной встречи президент Айюб Хан и премьер-министр Шастри подошли друг к другу и отправились осматривать свои кабинеты в Доме правительства Узбекистана. Ушли они вдвоем. Осмотр кабинетов продолжался, как зафиксировали журналистские хронометры, 52 минуты...

Сотни объективов фотоаппаратов и кинокамер были направлены на премьер-министра Шастри, президента Айюб Хана и Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, когда они, улыбаясь, стояли возле входа в зал переговоров. Тут каждый снимал сколько хотел и сколько мог. Но ни один журналист и ни один кинооператор не допускается на закрытые встречи руководителей Индии и Пакистана. Представители прессы тщетно атакуют советников и экспертов — те лишь вежливо и загадочно улыбаются. Газетчики отводят душу на вечерних пресс-конференциях — не сосчитать, сколько вопросов здесь задается. При этом любопытно отметить такое обстоятельство. Кое-кто из наших коллег с Запада настойчиво, каждый вечер повторяет так называемые «острые» вопросы, вызывающие наиболее серьезные разногласия. Бросается в глаза желание этих людей столкнуть на пресс-конференции различные точки зрения, спровоцировать публичную перепалку, отравить атмосферу переговоров. Это не удается и, будем надеяться, не удастся сделать.

Еще об одном. Разумеется, каждый город, в котором происходят столь большого международного масштаба события, каким является ташкентская встреча, не остается к этому событию равнодушным. О Ташкенте без преувеличения можно сказать, что он этой встречей живет. Интерес к ней в городе чрезвычайно велик. Нет человека, который не слушал бы сообщений радио, не читал бы от первой до последней строки подробных газетных информаций и репортажей. Студент политехнического института, танцовщица прославленного ансамбля «Бахор», хлопкороб из Ферганы в живописном халате и тюбетейке, чайханщик, школьница в белом фартучке — все утром штурмуют газетные киоски или собираются у больших стендов возле гостиницы «Ташкент», где выставлены фотографии, рассказывающие о встрече лидеров двух великих государств Индостана. Ташкентцы гордятся тем, что эта встреча происходит в их городе. Гордятся потому, что она призвана положить конец напряженности, возникшей между странами, народы которых вместе сражались против иноземного господства и общими жертвами заплатили за победу над колониализмом. Гордятся и потому, что ташкентская встреча — еще один добрый прецедент: не на поле боя, а за столом переговоров должны решаться спорные международные проблемы. В том числе самые сложные.

Ташкент,
по телефону.

Фото В. Егорова (ТАСС),
Я. Халипа.

Выступает президент Пакистана Мохаммед Айюб Хан.

Сотни фотоаппаратов и кинокамер были направлены на участников встречи в Ташкенте.

Выступает премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри.

РУКОПОЖАТИЕ КОНТИНЕНТОВ

А. СОФРОНОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Неспокоен Атлантический океан у гаванского побережья. Через парапет он перебрасывает сверкающие под солнцем косматые волны. Гаванские мальчишки с визгом увертываются от них и снова подбегают к серым камням парапета.

В эти дни в Гаване шумно. Жители Гаваны словно все вышли на улицы. Особым притяжением обладает в эти дни огромный отель «Гавана либре», где идет Первая конференция солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки. Здесь уже окрестили ее не только «Триконтиненталь», но и еще короче: «Три А». Большой путь прошли делегаты конференции, великий путь прошла созданная еще на азиатских просторах организация солидарности.

Кубинцы рады гостям, собравшимся не только с этих трех континентов, но и буквально со всех концов земного шара. Здесь вы увидите и европейских гостей и гостей из далекой Австралии. Конференция солидарности притягивает к себе всех, кто отдает свою жизнь борьбе за свободу и национальную независимость, за мир и дружбу между народами. В мраморном вестибюле отеля бросаются в объятия друг другу мозамбикский поэт де Сантос и парагвайский поэт Эльвио Ромеро. Прекрасные стихи этих поэтов знают не только у них на родине. У нас в Советском Союзе изданы их книги. Последний раз я видел де Сантоса в Дар-эс-Саламе осенью 1964 года. Я спросил его там:

— Друг, пишутся ли стихи?

— Нет, брат, не пишутся. Я занят сейчас иными делами.

— Какие могут быть дела у поэта, кроме поэзии?

Де Сантос улыбнулся:

— Более важные. У нас впереди большие бои с колонизаторами. Мы должны готовить бойцов для освобождения Мозамбика. Пока моя родина не будет свободна от португальских колонизаторов, мы должны готовить другое оружие против них.

И вот снова встреча на Кубе.

— Друг, пишутся ли стихи?

— Нет, брат, не пишутся... Я занят сейчас более важным делом.

С Эльвио Ромеро мы несколько лет назад встречались в Буэнос-Айресе. Он тогда горячо рассказывал нам о борьбе своего народа с американскими колонизаторами и теми, кто предает интересы парагвайского народа. По его совету мы посмотрели парагвайский фильм, снятый друзьями Ромеро. Помнится, в фильме этом была показана жизнь парагвайских лесорубов, суть которой — тяжелая трагедия. Эльвио Ромеро пишет стихи не только о беспросветной жизни парагвайцев. Он тончайший лирик, и его стихи наполнены глубокой любовью к природе, к земле Парагвая и вместе с тем страстно зовут на борьбу. И вот он в Гаване.

— Эльвио, как дела со стихами?

— Пишутся, но не это главное.

Два поэта с двух континентов. Но они только маленькая частица делегатов конференции. Они приехали сюда не по литературным делам.

Еще на заседании подготовительного комитета мы познакомились с человеком в синей трикотажной рубашке. Коротко стриженные густые волосы, энергичное лицо. Крепкое рукопожатие. Это Педро Медино Сильва, капитан, военный офицер, руководитель боевых революционных соединений Венесуэлы. Не простым был путь его сюда, на Кубу. Сложными путями, через Европу, прилетел он в Гавану. Сейчас его место здесь. Он глава делегации Венесуэлы.

Южная Родезия. Горящая земля Зимбабве. Добрая встреча советских делегатов с делегацией, представляющей дорогую для них землю, оскверненную ультрарасистом Смитом. Нет, не смирение и покорность у них. Глава делегации Эдвард Ндлову говорит нам:

— Наша родина будет свободной. Мы не одни сейчас. Как бы ни были вооружены расисты Смита, какие бы они ни принимали законы, они не хозяева нашей земли. Им придется убраться и дать место нам, законным хозяевам нашей матери-земли Зимбабве.

Встречи. Встречи. Встречи. Кенийцы рядом с гватемальцами, египтяне с уругвайцами, индийцы с южноафриканцами. Плещет в каменные устои Атлантический океан. Звучат в городе с утра до вечера репродукторы. На перекрестках центральных улиц стоят в защитной форме девушки. Гаванские газеты сообщили, что двести самых красивых девушек выделены для того, чтобы регулировать движение в дни конференции. Делегаты шутят: как же они сумеют регулировать движение, если все пешеходы, глядя на регулировщиц, еще больше будут скапливаться на перекрестках гаванских улиц?

Советские делегаты были очень тронуты заботой друзей из гаванского радио, сообщивших 31 декабря в четыре часа дня по кубинскому времени о том, что в это время в Москву пришел новый год. Каждый из нас мысленно перенесся в эти минуты к своей земле, пославшей нас на эту историческую конференцию. Каждый вспомнил своих родных и близких, поднявших не только в это время, но и в другие часы добрую чарку в Москве, Ташкенте, Душанбе, Тбилиси, Баку, Алма-Ате, Фрунзе, Казани, Махачкале за успех конференции, за тех, кто в эти часы вместе с посланцами трех великих континентов встречает Новый год в одной семье борцов под радушным кубинским небом. И мы в Гаване подняли тост за нашу прекрасную и любимую Родину, которая вселяет уверенность в сердца тех, кто вместе с нами встречал новый, 1966 год, год больших надежд и свершений в истории человечества. И мы не были здесь одинокими!

31 декабря все делегаты конференции были приглашены на встречу Нового года, которая происходила на площади Революции. Здесь высоко в небо уходит трехгранный монумент. У подножия монумента, поблизости от памятника Хосе Марти, расположились делегаты конференции. Шестьдесят тысяч кубинцев участвовали в этой встрече Нового года. Фидель Кастро в обычном своем защитном костюме сидел со своими друзьями за столом.

Удивительное и необычайно красивое зрелище являла собою площадь. Прожектора давали возможность видеть всю пестроту красок. Мелодичные темпераментные песни гремели из репродукторов.

Невольно вспоминалась встреча нового, 1958, года в Каире накануне окончания Первой конференции солидарности стран Азии и Африки. Такая же была ночь и как будто такое же небо, но рядом виднелся освещенный разноцветными огнями Нил и врезанные в темноту ночи пирамиды. Это был Каир. А сейчас, на пороге 1966 года,— Гавана. И многие ветераны боевого движения солидарности снова протянули друг другу руки здесь, на площади Революции. Прошло всего восемь лет, а как далеко шагнуло национально-освободительное движение!..

В 12 часов в небо взвились ракеты — многоярусный фейерверк над высокими домами, окружающими площадь Революции. Так для нас вторично наступил Новый год. К Фиделю Кастро шли зарубежные друзья. Сердечно приветствовал он руководителя советской делегации Шарафа Рашидова. К Фиделю подходят делегаты ДРВ, борющейся Венесуэлы, представители арабских стран...

Десятки тысяч людей приветствуют делегатов конференции. Звучат и звучат кубинские песни...

Третьего января под звуки национального гимна Кубы открылась Первая конференция солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки. В ее работе приняли участие более шестисот делегатов трех континентов, наблюдателей и гостей. На открытии присутствовал Первый секретарь ЦК КП Кубы и премьер-министр Фидель Кастро.

Открывавший конференцию президент Кубы Освальдо Дортикос горячо приветствовал посланцев трех континентов и подчеркнул, что главная задача конференции— объединение всех сил для борьбы против империализма, колониализма и неоколониализма.

Бурными аплодисментами встретили участники конференции приветственное послание Первого секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. На пленарном заседании были зачитаны также приветствия от Президента ДРВ Хо Ши Мина, Премьера Государственного совета КНР Чжоу Энь-лая, Председателя Кабинета Министров КНДР Ким Ир Сена, Первого секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного совета Вальтера Ульбрихта, Председателя Совета министров МНР Цеденбала и Президента ОАР Насера. Последний предложил провести Вторую конференцию солидарности народов трех континентов в январе 1968 года в Каире.

Выступивший с докладом Международного подготовительного комитета его генеральный секретарь Юсеф эс-Сибаи отметил успехи, которых добилось движение за прошедшие восемь лет. Большое место в докладе заняли вопросы дальнейшего сплочения народов для отражения агрессии американского империализма.

Первое пленарное заседание закончилось исполнением гимна трех континентов, написанного специально для гаванской конференции.

Гавана. Январь 1966 года.

Ее зовут Надия Хуссейн Айяд. Она сделалась известной в Ливане тем, что стала первой женщиной-мэром в своей стране. На этот пост ее избрали жители небольшого поселения в южной части Ливана. Они поддержали ее кандидатуру, потому что Надия решительно выступила за строительство больницы и расширение школьного здания в поселке.

●

Девятого января исполняется шесть лет с того дня, когда под Асуаном раздался первый взрыв, возвестивший начало строительства Асуанской высотной плотины. За эти годы на стройке трудом арабов и советских людей сделано много, чтобы дать новые силы древней египетской земле. А для этих мальчишек из Асуана гидротехника уже сейчас открывает свои тайны.

Из далекой Гаваны пришел этот снимок. Он сделан в отеле «Гавана либре», где 3 января открылась Первая конференция народов Азии, Африки и Латинской Америки — форум борцов за национальную независимость, свободу и мир.

По улицам Дар-эс-Салама прошли демонстранты, неся лозунги, осуждающие расистский режим Смита в Южной Родезии. Танзания в числе других африканских стран разорвала дипломатические отношения с Великобританией в знак протеста против того, что английское правительство не желает принять решительных мер для обуздания южнородезийских расистов.

●

В знаменитом миланском театре «Ла Скала» открытие зимнего сезона было не совсем обычным. Когда кончилось первое действие оперы Дж. Верди «Сила судьбы», в зрительном зале замелькали листовки. В них говорилось о тяжелом положении итальянских театров и артистов, о необходимости покончить с нечестными методами импресарио.

Это — лицо бундесвера. Западная Германия за последнее десятилетие вновь вышла на одно из первых мест по своей военной мощи в Западной Европе. У нее есть все современные средства для ведения войны: ракеты, танки, самолеты, военные корабли. Военные приготовления проходят под аккомпанемент реваншистских лозунгов. Ныне руководители ФРГ прилагают все усилия для того, чтобы получить в свои руки ядерное оружие.

Фото ТАСС, ЮПИ, «Тайм», «Пари-матч» и «Юманите».

Школа горела под музыкальное сопровождение. Пожар возник во время футбольного матча. В перерыве между таймами пламя продолжало полыхать. Однако и школьная команда и школьный оркестр продолжали заниматься своим делом. Их мало трогало то, что горит школа. Ведь пожар обещал продолжение каникул. Все это случилось в Соединенных Штатах, в Массачузетсе.

Накануне Нового года лондонский зоопарк проводил инвентаризацию. Поголовье животных и птиц было учтено и переписано. Самыми дисциплинированными во время проведения этого мероприятия были пингвины.

●

Видели ли эту фотографию матери тех американских солдат, которые изображены на этом снимке? Знают ли они, что каждый шаг их сыновей на далекой вьетнамской земле отмечен кровью, смертью, преступлением? Мир узнал еще об одной чудовищной мере, примененной Соединенными Штатами в Южном Вьетнаме: пентагоновские генералы пустили в ход ядовитый газ «циклон». Это уже не те слезоточивые газы, которые они применяли, по их словам, в качестве «полицейских акций». Это газ-смерть, газ-убийца. Нет предела бессильной ярости американского империализма. Но попрежнему стойки и полны решимости бороться вьетнамские патриоты.

МОС
НОВОГ

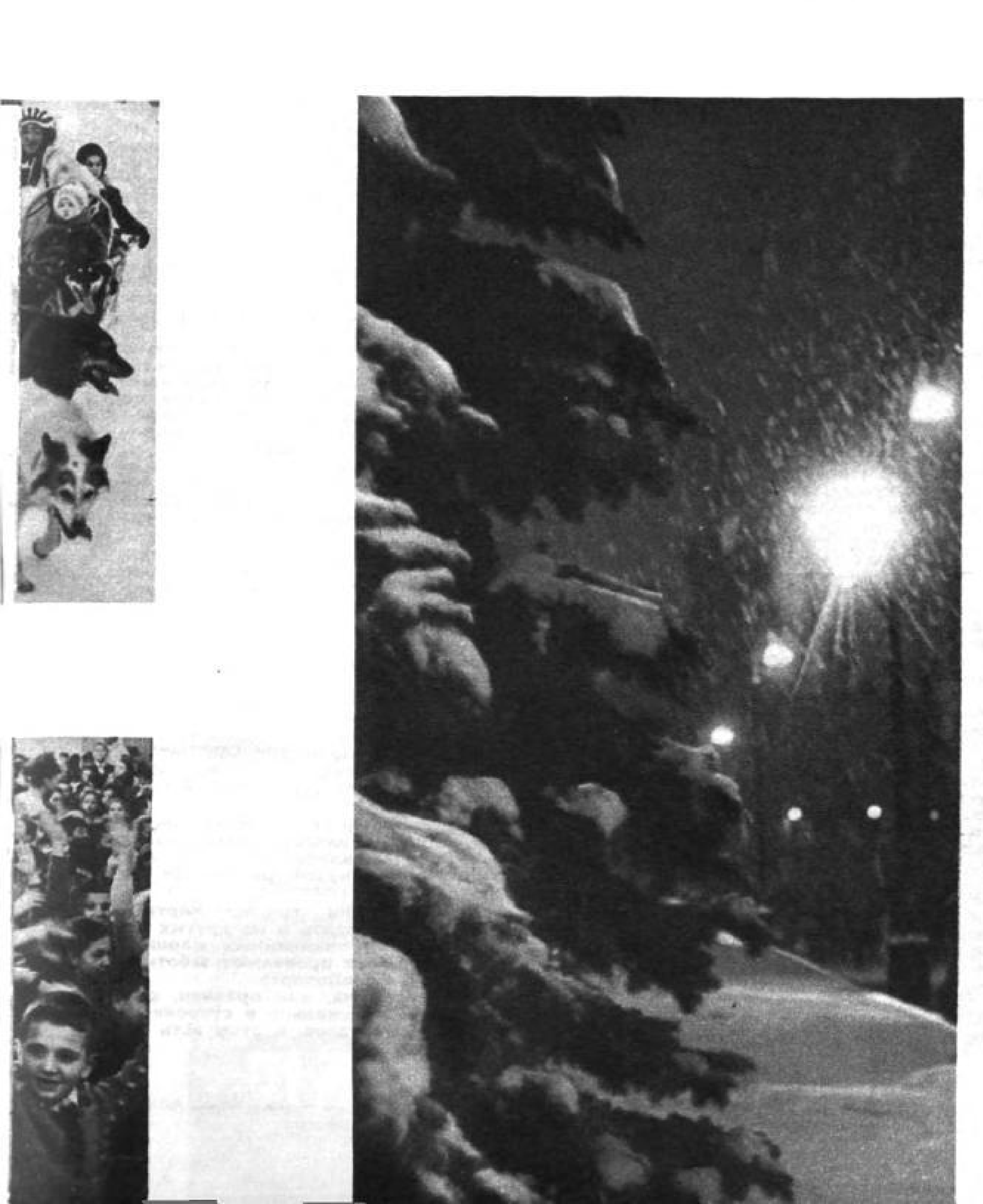

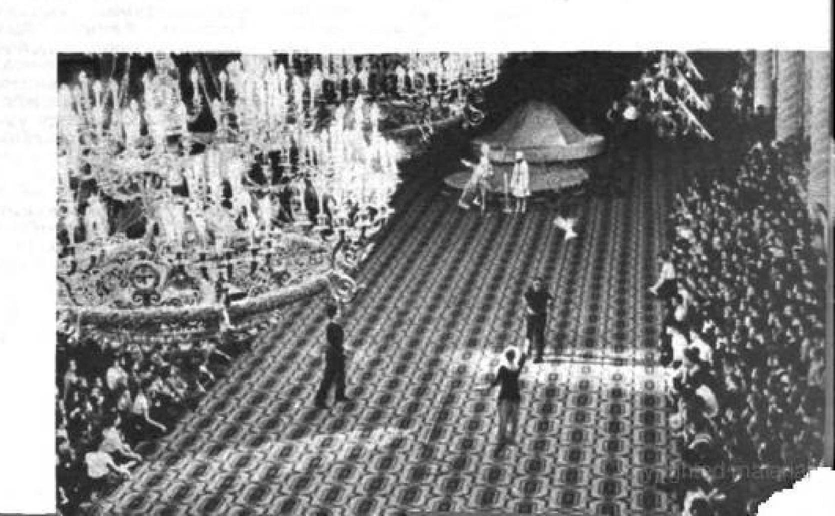
КВА, ОДНИЕ ДНИ

Фото А. ГОСТЕВА.

Кто с тобой в паре, счастливый мальчонка в простых лыжных ботинках? Добрая фея из «Спящей красавицы» или грациозный лебедь со сказочного озера? В дни веселых каникул широко раскрыты для тебя ворота дворцов и парков. Твоя Родина, берегущая мир, дарит все это тебе. Иди смотри, веселись! Твой народ заботится о том, чтобы ты учился и рос спокойно.

НА СТАРТЕ—ПЯТИЛЕТКА

ВОСПИТАТЕЛЬ С АРИФМОМЕТРОМ

Эта беседа произошла в кабинете директора завода. Завод заслуженный, старый: ему уже 115 лет. А разговор шел о новейших, самых современных проблемах. Невский машиностроительный имени В. И. Ленина — одно из тех предприятий, которые переводятся на новую систему планирования и экономического стимулирования. За столом нас трое: директор завода В. Г. Фирсов, начальник планово-экономического отдела В. И. Кантор и я.

— Итак, работа по-новому. Что конкретно изменилось у вас?

— Очень многое,— говорит начальник планово-экономического отдела В. И. Кантор.— Мы довольно основательно подготовились к переходу на новую систему планирования и экономического стимулирования. Группа экономистов разработала новую методику цехового хозрасчета. Она предусматривает три показателя: номенклатуру продукции, рентабельность производства, фонды зарплаты. Раньше между заводом и цехами было этакое взаимонепонимание, если не противоречие. Завод в целом стремился к прибыли, а его цехи большого интереса к прибыли не проявляли. Просили новое оборудование, новые испытательные стенды, требовали расширения производственных площадей. Короче говоря, просили именно то, что влетало заводу в копеечку. Теперь хозрасчет будет диктовать цехам совсем иное: как можно больше продукции с существующих площадей. Цехам станет выгодно экономить. Сейчас у руководителей цехов появились другие интересы: как построить работу так, чтобы не тратить ни одного лишнего грамма металла, ни одной лишней минуты?

— Хозрасчет, таким образом, станет воспитателем?

— Да, и воспитателем очень строгим и требовательным. Он заставит каждого стать настоящим хозяином на своем рабочем месте. И считать, считать, хоть вооружайся арифмометром. Это естественно. Чем больше прибыли получит цех, завод, тем больше будет отчислений в фонды материального поощрения и развития предприятия.

— С чего предполагаете начать?

— Тут целый комплекс мер,— вступает в беседу директор завода В. Г. Фирсов.— Обо всем коротко не скажешь. Но мы должны предупредить: дело это новое, и торопливость тут к добру не приведет. Заводу оказано большое доверие. На наших успехах и ошибках будут учиться другие. Начнем мы с внедрения хозрасчета. Первыми перейдут на него механосборочные цехи, а затем и вспомогательные службы.

Надеюсь, что съезд партии мы встретим первыми успехами в перестройке управления производством.

К открытию съезда на заводе будет собрана первая газовая турбина в десять тысяч киловатт.

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

●

ШАГИ ГИГАНТА

На Ждановском заводе имени Ильича в канун Нового года была задута крупнейшая в Советском Союзе и в мире домна-гигант. У нее небывало большой полезный объем — 2 300 кубических метров. Новая печь названа именем XXIII съезда КПСС.

Корреспондент «Огонька» беседовал по телефону с начальником доменного цеха Виктором Ивановичем Долматовым и попросил рассказать, как работает печь в новом, 1966 году.

— Сейчас самое важное,—сказал товарищ Долматов,—раздувать печь по графику, что и достигается успешно. В новогоднюю ночь на вахте отлично трудились горновой В. И. Хоменко и его товарищи.

— Виктор Иванович, чем отличается новая домна от своих сестер?

— Это — удивительное собрание новинок. Печь имени XXIII съезда КПСС имеет два литейных двора, две чугунные лётки — выпуск металла можно производить попеременно. Шихта тут загружается уже не вагоновесами, а ленточными транспортерами. На домну работают различные автоматы, радиоактивные изотопы, электронно-вычислительная машина, и, как результат, производительность труда здесь будет на одиннадцать процентов выше.

— Чем собирается встретить коллектив новой домны съезд партии?

— Наши обязательства — ко дню открытия съезда достигнуть шестидесяти процентов запланированной мощности.

●

ПРИМЕТА № 1

— Для села это примета номер один,— говорит Леонид Иванович Хитрун, председатель белорусского республиканского объединения «Сельхозтехника».— Давайте сразу прикинем экономический выигрыш колхозов и совхозов от снижения цен на технику и запасные части. 16 миллионов рублей — такова сумма по нашей республике. Приплюсуем сюда же и то, что получат колхозы и совхозы от уменьшения наценок на приобретаемые машины. Наценки снижены на один процент. Вроде бы не звучит. Переведем-ка в рубли. Получится три с половиной миллиона.

— А насколько щедр наступивший год на технические новинки?

— Сельские механизаторы могут приобрести у нас трактор «Беларусь» МТЗ-52 с четырьмя ведущими колесами; овощеводческие хозяйства — дождевальные установки; животноводы — молокопроводы отечественного производства с комплектом оборудования для переработки молока.

— Интересно, а заявки 1966 года отличаются от прошлогодних?

— Заметно. И количественно и, что особенно характерно, качественно. Раньше был расчет на механизацию отдельных процессов, теперь ощутимо стремление комплексно механизировать ведущие отрасли хозяйства. Количество таких заявок увеличилось по сравнению с прошлым годом втрое.

— Ну, а трудности, помехи?.. Они исчезают?

— Многие, но не все. Большая наша беда — нехватка запасных частей для автомобилей. И второе, о чем нельзя не сказать,— слишком медленно идет процесс унификации машин.

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

ПЯТЬ ПРОБЛЕМ НА ОДНОМ МАРШРУТЕ

П. ВОЛКОВ, Д. УХТОМСКИЙ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Нижний Тагил встретил нас морозом и солнцем. Старинная демидовская сторожевая башня на горе над городом плавала в ослепительном, лучезарном мареве.

В городе, которому двести сорок лет, все говорило о молодости, бодрости: и заводы, и новые жилые кварталы, и широкие проспекты с современными домами, магазинами, и оживленное уличное движение...

Так вышло, что первый тагильчанин, с которым мы разговорились, был шофер автобуса Павел Буторов. Он водит свою машину по четырнадцатому маршруту.

— Мы любим свой Тагил,— сказал он.—Нам кажется, что лучше его, пожалуй, только одна Москва... Но и у нас тоже, как и везде, есть свои сложности, трудности, свои больные места. Да вот поезжайте по моему маршруту: он проходит через весь город, от Красного Камня до Дзержинского района, мимо многих предприятий... У журналистов и глаз и объектив должны быть зоркими. Я думаю, коечто подметите.

Мы решили так и поступить.

«ТРИКОТАЖКА»

В автобусе ехало несколько девушек.

Куда они едут?.. Выяснилось, что на работу, на «Трикотажку», а живут в общежитии в центре города.

Трикотажная фабрика? В Тагиле? В городе металлургов, вагоностроителей и химиков? Это нас заинтересовало, и мы вышли из автобуса вместе с девушками. Среди них была и та, которую вы видите на цветной фотографии,— Галчонок — так называют подруги Галю Андросенко...

...Фабрика новая. Просторные цехи: вязальные, швейный. Общее впечатление: много света, пестрота, яркость, многоцветье,— как летом на лугу. В цехах нас постоянно преследует запах бензина и духов.

На фабрике две тысячи работниц. В основном молодежь. Да и сама фабрика молода, построена совсем недавно.

Что побудило строить «Трикотажку» вдали от сырьевой базы, в городе тяжелой промышленности? Да именно то, что это город тяжелой промышленности, требующей преимущественно мужчин.

А женщины? Где же им работать? Торговля, предприятия общественного питания, медицинские и детские учреждения, комбинаты бытового обслуживания? Этого недостаточно...

Так мы столкнулись с одной из здешних проблем — проблемой комплексного развития города. В Нижнем Тагиле небезуспешно пытаются решить ее.

БЕЛЫЙ СНЕГ

Вы знаете, о чем с особенным удовольствием говорят тагильские старожилы? О том, что снег, выпавший вечером, остается белым и на следующий день и даже через день. Канули в прошлое времена, когда снег через час становится желтым, бурым или коричневым. Нам рассказывали:

— Летом, бывало, наденешь белую рубашку, пройдешься по улице и воротник становится такой, будто ты им сапоги вытер.

В ту пору в Нижнем Тагиле и округе за сутки выпадало 160 тонн золы. Даже цветы на окнах гибли.

Мы привыкли, что загрязненность воздуха — спутник индустрии. Так ли? Такой ли уж это неразлучный спутник?

...Вот высоченная труба, принадлежащая цементно-шиферному заводу. Дым — того же происхождения. Но нас предупредили: не спешите обрушивать гром и молнии на головы руководителей завода, отравляющего воздух. Да, еще сравнительно недавно это предприятие было среди главных виновников засорения атмосферы. А теперь надежные очистители улавливают сто тысяч тонн цементной пыли в год на сумму в триста тысяч рублей! И заводу выгодно, и людям хорошо.

Вон сколько денег, оказывается, ежегодно вылетало в трубу. Теперь эта труба безвредна: она извергает почти чистый пар. Потому он и белый такой...

Кстати, любопытная (и, видимо, неслучайная) деталь: директор цементно-шиферного завода Виктор Касьянович Шайдюк — председатель постоянной комиссии горсовета по охране природы, а главный инженер Николай Иванович Макаров возглавляет подобную же районную комиссию.

Всем бы начальникам быть такими!

Но, увы, это еще не так.

...Завод «Коксохим», он с любой точки города виден — если не трубы его, то дымы. Серые, черные, янчно-желтые, рыжие. Клубятся, стелются, вздымаются, заволакивают удушливой тусклотою окрестные пустыри, а если ветер подует к городу, то и кое-какие кварталы. И это продолжается день и ночь, день и ночь... А рядом с «Коксохимом» металлургический комбинат, где тоже всякой копоти не меньше, а поодаль дымит ТЭЦ...

Это — видимое... А сколько вредоносных газов? Пройдите по территории завода пластмасс: то вдруг понесет нафталином, то ревенем, то будто бы повеет апельсинами. А в горле у вас запершит, и появится сладковатый вкус... Я не хочу сказать, что все эти ароматы от вредных веществ. Но согласитесь, что если бы пахло просто морозцем, было бы куда приятнее...

А ведь все в руках человеческих. Мог же директор цементно-шиферного!.. Почему другие не могут?

В ЧАСЫ ПИК

Четырнадцатый автобус проходит мимо гигантов индустрии — Уралвагонзавод, «Коксохим», заводы цементно-шиферный, котельно-радиаторный, завод железобетонных изделий, упомянутая нами «Трикотажка»...

...Кончались смены, и на каждой остановке автобус штурмовали толпы пассажиров. Казалось, еще минута — и кузов разлетится на куски.

В часы пик ту же картину можно наблюдать и на других автобусных и трамвайных маршрутах. Мало тут проявляют заботы о городском транспорте.

Предприятия, как правило, расположены несколько в стороне от жилых кварталов. В этом есть ре-

«Ну, как наш Тагил, понравился?»

Главная улица.

Мимо такого магазина не пройдешь!

Галчонок с «Трикотажки».

Огни большого города.

зон. Но это же создает и особую напряженность для транспорта. Например, среди дня трамваи пустуют. Но поезжайте часа в четыре или пять по маршруту, идущему от ТМК — Тагильского металлургического комбината — к центру города. Езды около часа. Если вы не висите на подножке, то стоите на одной ноге, судорожно ухватясь за поручни. Тагильчане говорят — и с этим нельзя не согласиться,— что такая поездка на работу и с работы бывает более утомительна, чем сама работа.

Кстати, у тагильского трамвая есть одна особенность, не встречаемая нами в других городах. Было так: строился ТМК — и нему проводили от города трамвайную ветку; воздвигался Уралвагонзавод — и нему тоже тянули трамвай... В ту пору у каждого крупного предприятия возникло свое трамвайное хозяйство. Так по сей день и осталось. Трамвай, как ни странно, принадлежит не горсовету, а заводам, что затрудняет его рациональное использование в общегородских интересах.

Впрочем, как нас уверили в горсовете, эта нелепость скоро будет устранена.

БЕЖИТ С ХОЛМА НА ХОЛМ ТРАНШЕЯ...

На пустырях, разделяющих Тагилстроевский и Дзержинский районы города, мы увидели сооружаемый тут трубопровод. Бежит с холма на холм траншея, а на ее краю обмотанная черной антикоррозийной лентой толстая труба, очевидно, готовая к спуску в траншею... Журналистское любопытство заставило нас еще раз вылезти из автобуса.

Оказалось, что это плеть трубопровода, который тянется за три тысячи километров через всю страну. Вскоре потечет по этим трубам бухарский газ.

Вот и решение еще одной проблемы: быстрорастущий город и его промышленность получат дешевое топливо.

О ПИЩЕ ДУХОВНОЙ И ИНОЙ

Уже вечер. Мы устали и проголодались. Покидаем автобус № 14 и идем ужинать в новый ресторан: «Вечерний Тагил».

Уютно и малолюдно: тагильчане еще только начинают открывать этот ресторан для себя. Играет оркестр. Кушанья хорошо приготовлены, цены умеренны.

Беседуем с метрдотелем Агнией Тихоновной Сошиной.

— «Вечерний Тагил» стоит на бойком месте,— сказала она,— тут пересекаются проспекты Мира и Строителей. От нашего коллектива зависит, чтобы ресторан полюбили... Сама я начала с кулинара, потом лет пятнадцать работала метрдотелем в «Северном Урале». Теперь вот перешла сюда, налаживать работу... Я скажу, что за последние годы лучше стало в нашем городе в смысле общественного питания. Открыто несколько новых кафе, диетические и обычные столовые...

Что же, приятно, что и эта проблема в городе уральских металлургов постепенно решается.

Мы поинтересовались и тем, как обстоит дело с пищей духовной. Куда пойти молодежи вечером и в выходной день? Что могут предложить им в Нижнем Тагиле? К услугам горожан драматический театр, дворцы культуры, клубы, кинотеатры, первоклассная городская библиотека с большим и удобным читальным залом и еще сорок других библиотек, два музея — изобразительных искусств и краеведения.

В Нижнем Тагиле довольно часто гастролируют московские, ленинградские, свердловские артисты. Наш приезд совпал с гастролями Московского ансамбля пантомимы, Уральского народного хора.

• • •

Поздно вечером мы снова встретились с нашим знакомцем Павлом Буторовым. Он вел свой автобус последним рейсом. Увидев нас, он улыбнулся и спросил, успешно ли было наше путешествие по городу. В этот момент мы его и сфотографировали... Вот он на вкладке, на первом цветном снимке...

МНОГОГРАННОСТЬ

7 января народному писателю Литвы Антанасу Венцлове исполнилось 60 лет. Имя Венцловы стоит в одном ряду с именами основоположников литовской советской литературы.

Первые свои книги Венцлова писал в буржуазной Литве. Писатель часто подвергался репрессиям со стороны властей.

Во время Отечественной войны Антанас Венцлова был вместе с бойцами Литовского соединения. В стихах поэта возникали холмистые пейзажи Аукштайтии, картины сельских работ, сосны на берегу Балтики... Эти стихи любили бойцы.

После войны Антанас Венцлова принимал самое непосредственное участие в общественной жизни республики как руководитель писательской организации, как депутат Верховного Совета СССР.

Необычайно широк жанровый диапазон писателя. Его перу принадлежат сборники стихов, повести и романы, книги путевых очерков, критических статей, литературоведческих работ. Творчество Венцловы отличает высокая поэтическая культура, живописность образа, предельно точная метафора, простота и доступность. Венцлова — увлеченный пропагандист русской литературы. Он создал блестящие переводы на литовский язык произведений Пушкина.

Антанас **ВЕНЦЛОВА**

Чудо

Опять свершилось чудо наяву.
Средь неба — арка. Тучи замолчали.
И раздвигает мокрую листву
Оранжевое яблоко лучами.

Озарены озера и луга.
Отряхивает капли мир напевно.
Как будто, рассыпая жемчуга,
Из старой сказки вышла королевна.

Как вы нарядны, небо и земля!
Сияют облака, дороги, стройки
И, независимые от меня,
Вселяются в ямбические строки.

Я слушаю стальных колес рассказ,
Признанья леса в полумгле зеленой,
И, словно бы впервые, всякий раз
На все вокруг взираю изумленно.

Не чудо разве жить среди людей,
Средь рокота станков и звона песен,
Когда любой — отчасти чародей,
И потому весь этот мир чудесен?!

Хочу, чтоб каждая моя строка,
Вобрав мечтаний радужное пламя,
Звенела бы, как голос родника,
Как жаворонок в мае над полями.

Кипит свершений жаркая страда.
И, внемля звукам, вглядываясь в краски,
Хочу, чтоб каждая моя строка
Была исполнена такой же страсти,

Чтобы в пределах края моего
Была доступна и созвучна людям,
Чтоб проявлялось сходство и родство
Меж нею и ежеминутным чудом.

Который год я по тебе, земля,
Уже знакомыми брожу местами...
Но сколько бы ни длилась жизнь моя,
Обыденным ничто вокруг не станет!

Стенные часы

Как чинно топчутся на месте
Солидные часы стенные,
Притопывая чуть потише
В часы ночные, чем в дневные.

Помахивают, будто тростью,
Тяжелым маятником мерно,
И ждут, когда она, проснувшись,
На них посмотрит непременно.

Она глядит на них с улыбкой,
Такой счастливой и беспечной,
Что сразу вздрагивают стрелки,
Вдруг изумившись бесконечно!..

Они стучат не только громче,
Но и быстрей в часы дневные.
Ведь тайно влюблены в хозяйку
Солидные часы стенные.

Сверкает циферблат ревниво,
Предполагая, что́ ей снится,
Что́ размыкает эти губы
И эти теребит ресницы.

Она сама — как сновиденье...
Но сладко всхлипнет и очнется,
Едва над городом старинным
Заря, как маятник, качнется.

Перевел с литовского
Леонид МИЛЬ.

Сын и певец России

Ефиму Николаевичу Пермитину семьдесят лет. Более полувека из них отдано отечественной литературе.

Писателя горячо любят все, кому дорога поэзия и красота природы, широта и глубина русских характеров, жизнь во всей ее многогранности, с радостями и горестями, с вечной жаждой прекрасного.

Е. Пермитин — сын России и ее певец, охотник-следопыт и редкостный умелец находить в самой жизни народной емкое, многоцветное и самобытное слово. И это о нем можно сказать словами поэта: «Сердце — слов золотых сума».

Во всем своем творчестве Ефим Пермитин остается оптимистом, жизнелюбом, человеком неустанного труда и неутомимых поисков. Его книги — умные собеседники людей всех возрастов. В них всегда наличествуют зоркость, доброта, радость и сила.

Когда в 1932 году издавалась «Юбилейная серия», в число двадцати пяти лучших книг, написанных за пятнадцать лет Советской власти, вошла повесть Пермитина «Когти». В огне гражданской войны мужают и крепнут характеры героев повести «Друзья». О жизни молодежи на целине рассказывает роман «Ручьи весенние». Великому перелому в душах людей, происшедшему в годы коллективизации, посвящен широко известный роман «Горные орлы» — эпопея, над которой писатель трудился около трех десятилетий.

Ефим Николаевич Пермитин — говорим мы и видим мудрого разведчика человеческих душ, нежного и несгибаемого человека, оригинального художника слова.

Мы гордимся тем, что среди нас живет и трудится такой человек, и его жизнь и творчество служат нам высоким примером.

Сердечно поздравляем писателя с юбилейной датой, желаем ему примерного охотничьего здоровья и завидной работоспособности за письменным столом.

Сергей **СМИРНОВ**

Рассказ

Николай ГРИБАЧЕВ

Беспоко

Конец апреля выдался солнечный, теплый, так что и маю под стать. Света было вроде поменьше, чем на исходе марта,— тогда он отражался от снега, сдваивался,— но зато теперь, когда ожили пригорки и дымчатыми стали вершины рощ, он был сочным, зеленоватым, живым и уже к полдню, прогретый, начинал течь, стеклянно мерцать под горизонт. Самая шумная вода, снеговица, ушла дней десять назад, только овраги еще сочились; малые реки вошли в берега, лишь большие сияли разливами, рождая ощущение приволья.

И то ли от этой просторности, в которой появились и новые запахи — талой земли, березового сока, горьковатости развертывающихся почек,— то ли от ожиданий майских праздников, но учрежденческий люд повеселел и казался взволнованным: стремительнее стала походка у женщин, ярче блеск глаз, будто их промыли первой росой, и даже мужчины на возрасте приободрились, и в разговорах их все чаще стала появляться дорожная тема, словно они были пассажиры и сидели все это время на пересадочной станции, а теперь пересадка окончилась.

Шумел, балагурил в редакции областной газеты и очеркист Евгений Прибылов, «старый кадр», как называл он себя, тертый калач.

— Старики, мы люди или кто?— допытывался он перед началом летучки.— Посмотрите вокруг: не учреждение, а опиумная курильня — от табака сизо и в глазах картины светопреставления. А можно бы куда-нибудь в лесок, на речку, да под закат костерок с присловьем, да наутро ушицу с дымком... А? Спокойная ночь, задушевная беседа, сон на свежем воздухе при звездах и луне... А? Вещь!.. Полоскание легких озоном, очищение души от мусора повседневности, а?

Так двадцать девятого апреля, в субботу, составилась у нас компания, не новая, кстати сказать, и без долгих пререканий решили мы ехать к общему нашему приятелю, секретарю райкома Сергею Семеновичу Белобородову, на подвластной территории которого были и лески, и речки, и тем более небеса и звезды— всего вдоволь, кроме больших успехов сельского хозяйства. Когда позвонили Белобородову, тот сказал, что, пожалуйста, он и сам с нами поедет на денек, срочные дела за полы вроде пока не держат.

Покачавшись часа полтора в машине, мы ввалились в райкомовский кабинет, который и пять и десять лет назад выглядел так же, как и сейчас: коричневые стулья с прямыми спинками и дерматиновыми сиденьями, синие плюшевые портьеры на окнах, люстра с бронзовыми завитушками, покрытый зеленым сукном стол с массивной чернильницей, похожей на надгробную плиту, и те же, когда ни приезжай, бордовые с полосами по краям ковровые дорожки.

Однако сам Белобородов, человек сравнительно молодой, не шел в стиль к своему кабинету: не носил он ни сапог, ни толстовки и галифе — самых узаконенных старых атрибутов своего поста, а был одет в обыкновенный костюм с белой рубашкой и темно-синим галстуком. И, что уж совсем предосудительным считалось для партийных работников его ранга, баловался удочкой. У него было достаточно чувства юмора, и он сам посмеивался над обстановкой своего кабинета, но когда мы ему говорили, что взял бы да переменил, он щурил зеленоватые глаза, озабоченно спрашивал: «А деньги?» И мы замолкали, понимая, что при тощем райкомовском бюджете ему бы в первую очередь залатать прорехи поважнее, а обстановка потерпит.

— Ах, черт возьми!— вздохнул Белобородов, поздоровавшись.— Не в пору-то как!

— То есть как не в пору?— удивился Прибылов.— Сам говорил. За язык мы тебя тянули, а?

— Так я думал, что вы до завтра не соберетесь, в крайнем случае — к ночи. Весна все ж таки прет, дела и дела.

— Ты вот что, ты нас весной не запугивай. Завтра выходной, и порядочный человек нынче работу кончает в три часа. А кто не умеет отдыхать, тот не умеет работать. Умные люди говорят, а?

— Есть и получше присловья: «Дело не волк, в лес не убежит» или: «Не делай сегодня то, что можно отложить на завтра». Так, что ли?

— Именно это я и предполагал!— потешался Прибылов.— За кого вы их принимаете, наших партийных работников среднего звена? Конституция не для них писана, законы о труде— тоже. У них на все три сезона один боевой мобилизующий клич: «Давай, давай!» С весны до осени. А как с поля уберутся — станут преть на совещаниях, доказывая друг другу, что навоз есть рычаг повышения урожайности, что торф есть рычаг, а всем рычагам рычаг — химия. На всем белом свете это давно знают и делают без всяких там лишних тары-бары. Будете ведь преть, правду говорю, а?

— Правду. Будем,— смеялся Белобородов.— А ты — писать об этом. Три сезона: «Давай, давай!»,— а четвертый — про навоз. Разве что селитрой или калийной солью сдобришь для художественности. Будешь?

— Буду,— соглашался Прибылов.— Так мне деваться некуда, я жизнь отражаю...

Пока препирались, пока Белобородов отвечал на телефонные звонки и звонил сам: «Совершенно срочно, братцы, вот кончу — и вперед, орлы боевые!» — прошло часа полтора или два. А там, пока ехали, и стемнело, хотя и тьма эта была какая-то особенная, с прозрачностью, как вода подо льдом, с которого согнало снег. За бортами машины проносились кустарники, уже запушенные, с полураскрученными почками; камни, одинокие деревья, отсыревшие в стволах, темные; простукал под колесами разбитой мостовой древний, упоминаемый еще в былинах поселок с небольшим льнозаводиком и двумя новыми зданиями — школы и кооператива; на весенних холмах, прогретых днем, а теперь быстро остывающих, лежало звездное небо, иззубренное в северной части хвойным лесом. Посвистывали какие-то птицы, но еще не в полную силу, а словно пробуя голос для большой песни, которая вся впереди, в теплых, напоенных испарениями утрах и закатах. А сейчас стылая земля не воспаряла, воздух был чист и холоден и посвистывание птичье звучало робко, вопрошающе: да вправду ли уже весна?

— А зря я поехал,— вдруг усумнился Белобородов, пока мы искали место для ночевки, путаясь между лесками в чаянии полянки посуше.— Не стоило. Второго мая поспособнее было бы.

— Конечно, зря,— ехидно поддержал его Прибылов.— Тебе же к первомайскому митингу речь в десятый раз выверять надо, цифирью засевать, на бюро согласовывать. Ваш районный житель помрет, сна лишится, если ты ему именно в праздник не расскажешь, на сколько процентов в среднем увеличились надои, сколько плугов отремонтировано и прочее. Ему кусок в горло не пойдет, жителю! Хотя, между нами говоря, все ваши районные достижения купно с мечтами на будущее и надлежащими призывами изложены в сегодняшнем номере нашей газеты. Сам сочинял.

— Речь писать не буду,— сказал Белобородов.

— Ну-у? Чудеса между небом и землей! Может, полюс соскочил с места, экватор переехал под Кострому? Обычно вы уже за неделю потеете, помощники от еды и жен отвыкают. Аврал на высшем уровне, а? Возжигание прометеева огня, а?

— Не буду,— подтвердил Белобородов.— Поздравлю с праздником, с весной, пожелаю счастья и успеха.

— Может, еще хорошего аппетита к выпивке и закуске?

— А что? Неплохо было бы. Секрета нет: без того в праздник не обходится.

— Ага,— буркнул преподаватель техникума,— так вот оно... Раньше в такие праздники к народу шли с пламенным революционным словом, с призывом к переделке мира, а теперь — удойная цифирь, аппетит. На уровне брюха...

— Глупости,— перебил Белобородов.— Революционная фраза без будничных забот об экономике — блестящая мякина. Она, революция-то, штука комплексная — от философии до хорошего аппетита.

— Ни-ни!— деланно ужаснулся Прибылов.— Мы тебя любим и посему терять не хотим. От веку в наших местах повелось, чтобы главное в речи — цифирь районного масштаба и железная установка. А по поводу там личного счастья и всего прочего ты лучше фигуру умолчания запускай. Знаешь таковую?

— Сам запускай,— засмеялся Белобородов.— Пресса, а лицемерию учишь!..

На ночевку устроились на небольшой полянке, среди густейшего, как частокол, молодого ельника, выскочив на нее совсем неожиданно по петляющей дороге. В одном месте этого частокольного ельника был просвет, сквозь который виднелся луг, уже сизовеющий от тумана. Всюду под ногами трещал и путался прошлогодний вереск, цепкий, как сплетня, и только в центре стояла на почти чистом песочке единственная березка, которая, наверное, и сама удивлялась, как попала она в чужую компанию. Выгрузили скарб, развели костер, дым от которого почему-то не стал подниматься вверх, а словно бы обтекал полянку справа налево, понизу, у подножия елей, пока не достигал прогалины, где и выливался на луг, словно молоко из бидона. Быстро холодало.

— К утру продерет до костей,— заметил шофер, собираясь возвращаться.— И вообще, спать в таких условиях — черт те что. Не война же!

— Ладно,— добродушно сказал Белобородов.— Перин не подкинешь, помочь не сможешь, так и страху не напускай. Перележим до свету.

— Вольно старухе про любовь песни петь. А то, может, отвезу в село?

— Езжай, езжай...

Поиграв фарами по стволам елок, пофыркав на подъеме, машина ушла. Кто с фонариком, кто ощупью, собрали несколько охапок тонких веточек, сухих, как порох,— про запас к ночи. Но топливо оказалось малоприбыльным, пламя от него било, как летний квас из бутылки, и тут же сникало. При судорожно метавшемся свете торопливо поужинали. Прибылов предложил распить бутылку коньяку, мотивируя это тем, что одна на четверых — это, собственно, лишь ритуал и ничего более. Его поддержал преподаватель строительного техникума.

— Для оживления мысли. Тем более, что ночью мороз салазки загнет — по звездам видно. Горят, как глаза у голодного волка.

— Не спасет,— не согласился Белобородов.— В данном случае переход на жидкое топливо непрогрессивен. А по правде сказать, в такую весеннюю ночь и пить не хочется. Так и ждешь, что торжественная музыка заиграет или соловьи засвищут.

— Кому весна — цветы да соловьи, а тебе запарка, переживания за посевные сводки: кто выше строкой, кто ниже — и нагоняи из области,— буркнул Прибылов.— Так?

Рисунок П. Пинкисевича.

йная ночь

— Так.
— И что же?
— Ничего.
— И черт с тобой! Второй год думаю и никак не пойму: чего ради добровольно шею в этот хомут сунул? Гнал тебя кто, на цепи тянул, а?
— Не понял в два года — думай третий. Может быть, осенит.

В своей юности Белобородов был комсомольским руководителем и разведчиком в партизанском отряде. После войны работал инструктором в обкоме партии, а потом отпросился в район. «Захотелось на самостоятельной работе провериться, кто я и что,— объяснял он нам.— У меня характер такой, что по-своему все хочется». Человек большой энергии и самостоятельного мышления, хотя и не без заносов, он из кожи лез, чтобы наладить дело в колхозах, учился, дотошно знал всю необходимую цифирь, советовался с председателями, но, по правде говоря, дела шли не лучше и не хуже, чем у других.

Преуспел он в единственном: одним из первых организовал межколхозстрой районного масштаба, за короткий срок успел поставить немало хозяйственных и жилых помещений. Замышлял даже дом отдыха строить. Но люди, привыкшие жить по инерции, посмеивались над его идеями: «Молод конь удила грызет, в силе конь воз везет!» — а при неудачах и злорадствовали. Между прочим, пророчили, что на очередных выборах он «загремит», а он имел лишь один голос против, и это спасло его во мнении областного начальства.

— Ничего, думай дальше,— после паузы повторил Белобородов.— При спокойной жизни бок чешут, при беспокойной — затылок. Что полезнее?
— А после порки?
— Давайте-ка ночь делить,— предложил преподаватель техникума.— Похоже, только с вечернего сугрева и поспать доведется, а после — рок-н-ролл на обеих челюстях. На этот раз природа имеет все возможности разъяснить, кто кем овладел...
— Может, побалакаем еще?
— И завтра успеется. Тем более, что словами по самую макушку друг друга мы каждый день насыпаем. Древние же мудрецы говорили, что слово — серебро, а молчание — золото. К чему бы? А к тому, что в молчании размышляется лучше, мысль созревает. А он, человек, со зрелой мысли и начинается, не говоря уже о государстве. И жизнь материалишко для того не скупясь подкидывает, вот хотя бы взять проблемы образования...
— Ладно, ты нас в свою педагогическую поэму не затягивай,— перебил преподавателя Прибылов,— спать так спать...

Да оно и ничего иного не оставалось делать. Все усилия поддерживать костер были похожи на то, как если бы носить воду решетом: больше приходилось собирать дрова, чем греться. Решив ложиться, натаскали из ельника сухой хвои, каждый сам себе по отдельности разгорнул ее, подровнял. Укрылись плащами и пальто. Смотрели, докуривая, в небо: чуть дымное, оно высыпало миллионы звезд и все высыпало новые.

Думалось: как же непредставимо велик мир, как громаден! И взрываются в нем старые звезды и рождаются новые, и мы, подобно муравью в небоскребе, ничего тут поделать не можем, однако ж мучаемся загадками, пытаемся все понять и охватить и как-то даже приспособить к своей жизни. Для чего? Для счастья? А что оно такое? Может, и само понятие счастья — утешительная, сентиментальная выдумка и никогда его как реальной категории не было и нет, а есть только жизнь с извечным движением, противоречиями, борьбой и достижением цели? И опять-таки только для того, чтобы появилась новая. Философы таких вопросов всерьез не обсуждают, а поэты это самое счастье так измельчили и изжевали, так разменяли на медные пятаки, что и говорить о нем полным голосом неудобно. Полюбил — счастье, кашу с маслом съел — счастье, гриб в лесу нашел — счастье...

Угревшись, мы уже и дремать начинали под такие и подобные мысли: звездная ночь в окружении лесов и полей всегда вырывает из обычного, заставляет посмотреть и в себя поглубже и вокруг пошире; уже мы начинали дремать, когда за леском, в той стороне, что к лугу, послышалось жужжание. Белобородов приподнялся, вслушиваясь, закурил снова и встал:

— Заполните разрыв, я пошел.
— Куда бы это?
— Там скважину бурят. Ищут пустоты для газохранилища, а может, и еще что. Геологи.
— Тебе-то какое до них дело? У них центральное подчинение. Пошлют, куда следует, без права обжалования,— предостерег Прибылов.
— Лозунг «Моя хата с краю» нам от дедов достался, да где-то потерялся. У них, полагаю, тоже. Добывайте себе по хорошему радикулиту и не беспокойтесь...

Часа полтора мы спали. Потом пришлось бегать, выкидывая повыше ноги, чтобы не запутаться в вереске. И самое досадное при том было, что на вереск уже села ледяная, почти белая роса и резиновые сапоги от нее начинали блестеть, а коленки мерзнуть. Шел пер-

вый час, самая глухая пора ночи. Спал ветер, спали, беззвучно темнея вокруг, ели, ни одна птица не подавала голоса. Только туман, сильно поплотневший, синеватый, словно возвращающийся неведомо почему дым костра, наплывал теперь снизу от луга, смывал край поляны. Прибылов, почертыхавшись и позавидовав жителям Гонолулу, где он никогда не был и вряд ли побывает, сказал, что это глупость — спать каждому на своей персональной хвое; надо все сдвинуть, уплотниться до предела и сделать из всех одежек общее покрывало. Возражений не последовало. Стало теплее, но спать уже расхотелось.

— Непостижимая жизнь у наших секретарей райкомов,— посочувствовал Прибылов, лежа на спине, лицом к звездам.— Район у него чуть не с Данию, только без короля и герба, сам себе он и философ, и пропагандист, и экономист, и строитель, и агроном. Наука там пока обобщает, а ему ждать некогда, ему сегодня нужно. С какого воза что ни упало, за все с него спросится: «А подать сюда Тяпкина-Ляпкина!» Пресса на комплименты ему скупа, все больше сатирой обжигает. Литераторы на нем за грехи высокого начальства высыпаются. Культ начали развенчивать — он первый народу в глаза гляди, отвечай, как перед судом: куда смотрел, что думал? А писатели его—по голове, по голове: вот он, главный догматик, зажимщик критики, нарушитель законности! Там повестушка проскользнула, там рассказик!.. Пощипывают! А он, что ни день, выходи на народ, выкручивайся! Отдувайся своими боками!

И огрызается он, объясняет, просвещает, улаживает «противоречия эпохи», а ко всему тому носится как угорелый в своем «газике», в сугробах стынет, в прорвах барахтается. И — смотри ты — ничего, жив и дерзает к тому же... Нет, честное слово, железное племя какое-то, двужильное. Овечкин, по-моему, сказал, что памятник бы поставить безымянному секретарю райкома? Верно, но не поставим. Нет, не поставим, а стукнем еще за что-либо...

— Что-то уж очень высокопарно получается,— сказал преподаватель техникума.— Белобородову — памятник, эк хватил!

— Шаблонно излагаю, сумбурно, может быть,— согласился Прибылов.— Таковыми изъянами грешим, поскольку за жизнью не поспеваем... Да и черт за ней поспеет! Мой дед за всю жизнь в губернский город всего два раза ездил, а какая она с виду, Москва, например, ему и во сне присниться не могло. Думал, поди, что много барских домов вместе составлено — только и всего. А нас газеты, радио, телевидение, техника, наука, политика в мировой океан вынесли. Шумит, качает, бросает, гонит... Тут поспеешь! А насчет высокопарности — не имеет значения, поскольку истина.

— Не все и секретари райкомов одинаковы.

— А как же, не все! Один мой знакомый редактор районной газеты в свое время купил узкие брюки да и пошел в них на службу. Так его на бюро хотели прорабатывать, тем и спасся, что чек из ГУМа показал. Решили: раз ГУМ продает, значит, Советской властью дозволено. Такие дуболомы и на пороге коммунизма могут лозунг выкинуть «Назад, к порткам и лаптям» да еще национальную базу подведут и патриотизм ко всему тому пристегнут... Нет, не все. И надо спокойненько понять, что пока иначе и быть не может, что такова противоречивость жизни, что одни вперед рвутся, аж брючины ветром вокруг ног завиваются, а другие таланта не имеют — на чем набьют руку попервоначалу, то и тянут: вчера солому таскал, чтобы хату крыть, завтра же с ней и на пожар, поскольку к этому привык и другого не знает...

Не все! Но вот поговори с Белобородовым о литературе, искусстве, новинках техники — он тебе покажет! У него, может, и сейчас в пальто книжка припасена. Ловили мы с ним как-то рыбу летом — ровнопламенный денек такой, зеленым и синим осиян весь. И рыба ничего ведет себя, нормально. А я к нему подхожу и вижу: поплавка нет, леска в куст идет, наверное, окунь затянул. А он, Белобородов, этот самый Сергей Семенович, спиной дуб подпер, шляпа на нос — книгу читает. Что? «Ярмарку тщеславия» Теккерея. Где он, тот Теккерей, и где он, этот район... Да, «плохая нам досталась доля, немногие вернулись с поля»... Не война бы, не международная накаленность эта, какое блестящее племя получилось бы, а? Теперь что, теперь оно поредело да и затуркано, придавленное заботами. Медведь на плечи сел... А молодые не понимают.

— Историю втолковываем плохо,— сказал преподаватель техникума. Растрепанный, с черными спутанными волосами, с красноватыми отсветами от огня в больших черных глазах, он грел руки над костром, подбрасывая туда хвою, на которой спал, и был похож на пророка в момент откровения.— На историю времени мало выделено.

— Да где она у нас вообще, история?— не согласился Прибылов.— Мы ее каждые пять лет наново переписываем: нынче так, завтра этак. Тут не то что молодых воспитывать,— сами запутались. Были вот такие-то и такие-то события, сам их видел, участвовал в них, а поглядишь в историю — выходит, что и не было их вовсе. Мираж, сон привиделся. Хочется самого себя ощупать: человек ты или фикция, а?

Прибылов поднялся, согнувшись над костерком, прикурил — на мгновение выступило из темноты красное от света, с мохнатыми белесыми бровями лицо, будто наспех, грубо вырезанное неискусным мастером из сырой ольхи,— затем ткнул огненной точкой сигареты в темноту:

— А стыдиться прошлого нам нечего, вон какое государство отгрохали. И каждого третьего человека на планете в социализм привели. Без нас не было бы того, нашей кровью изначально полито. Чего ж стыдиться?..

Еле заметно стало зеленеть небо на востоке — не во весь горизонт, а низко еще, над самыми вершинами елей. Подали голос птицы. С вечера думалось, что мы вовсе одни тут, в ельнике, а теперь оказывалось, что вокруг полно всяких других жителей. На выходе полянки к лугу, в почти белых от росы кустах, застрекотала, затараторила сорока.

— Оповещает, что идет кто-то,— сказал преподаватель.— Лесная стража...

Вернулся Белобородов. Поинтересовался:

— Здорово застыли тут?

— Ничего. Побалакали. А у тебя что?

— Хорошо, что пошел... Там, на буровой, продукты вышли. На базу ткнулись вчера — переучет... Пришло в голову какому-то олуху

Мужество и нежность

Александр КОВАЛЬ-ВОЛКОВ

* * *

Когда последний закруглен виток,
Так хорошо сойти на Землю снова
И окунуться после всех тревог
В земную красоту всего земного.

Галактика в свеченье звездных трасс.
Нам на нее глядеть — не наглядеться,
Но, поднимаясь в небо, всякий раз
Своей Земле мы оставляем сердце.

Пловец

Плавно балансируя руками,
Человек нащупывает камень:
Пляж кремнистый, оступиться можно,
Камни как живые под подошвой,
Крутит их балтийская волна.
Человек ступает осторожно:
В жизни осмотрительность нужна.
Вот пловец бесшумно лег на воду —
И поплыл, поплыл, глотая воздух.
Бронзовые плечи на волне,
А по ним рубец прорезал тело.
Старый шрам остался белым-белым,
Памятью тревожной о войне...
Я из многих отличу солдата,
Мне приметы подсказывать не надо.
Шрамы наши солнце не сожжет,
Шрамы наши время бережет.

Москва.

Леонид ТАТАРЕНКО

* * *

Спят мальчишки в сиянии звезд.
Им — семнадцать!
Навечно семнадцать!
Им не встать из-под белых берез,
Из-под алых рябин не подняться.

Своей юности не пожалев,
Ради наших счастливых рассветов
Под березы легли, не успев
Получить комсомольских билетов.
Шли мальчишки в шинелях до пят
На врага
Под огонь бронебойный.
Не забудьте же этих ребят,
Будьте этих мальчишек достойны!

Спят мальчишки под сенью берез.
Навсегда твердо сомкнуты губы.
Не видать им ни солнца, ни звезд...
Тише пойте, армейские трубы!

Своей юности не пожалев,
Ради наших счастливых рассветов
Под рябины легли, не успев
Получить комсомольских билетов.

Им — семнадцать!
Навечно семнадцать!
Им не встать из-под белых берез,
Из-под алых рябин не подняться!

Киев.

Валентин КУЗНЕЦОВ

Тундра

Сердца красный кулак подымаю,
В бубен солнца стучу.
Солнце гулкое здесь.
Вот она, Воркута!
Я ее принимаю

И какою была
И которая есть.

Я бегу,
Я спешу,
Я теряю терпенье.
Здесь земля горняков
Чернотой налита.
Здесь коробятся зданья
И сохнут деревья:

Мерзлота,
Мерзлота
И еще мерзлота.

Тундра — трудно:
Цветы небогаты,
Заполярные ветры — твои снегири.
А у Карского моря
Цветные закаты,
Хоть крои на платки
И любимым дари...

Ледовитый трещит,
Ледовитому тесно.
Он закован в себя,
Он забит в холода.
Только жив человек
И жива его песня,
И сверкает она
Всеми гранями льда!

Заполярье.

Людям Воркуты

Мне ни направо, ни налево,
Мне только прямо — напролом,
Где ходит яростный от гнева
В железных сапожищах гром.

Здесь не в почете блат и ругань,
Людей не взять «на дурака».
Они крепки, остры, как уголь,
Что входит в тело на века.

Они прямы, как лес крепежный
В глубокой шахте под землей,
Где пахнет свежестью таежной,
Рабочим потом и смолой.

О вас кричал мне ветер двинский,
О вас я думал у огня.
Исчезнет уголь воркутинский —
Не будет песни и меня.

И если снег мне кровь остудит,
Нальется слабостью рука,
Я попрошу, я крикну: — Люди,
Подбросьте в сердце уголька!

Воркута.

Мугаз КЕШТОВ

Прятки

Через порог шагнула мать туда,
Где волны в море вечности темны.
И вновь из «никогда» и «навсегда»
Старушка мать в мои приходит
сны.

А может быть, не сон —
на самом деле
Пришла играть со мною
в прятки мать,
Забыла, что мы оба постарели,
Пришла мальчишку-сына повидать.

А я не позабыл, как прятался...
Склонилась
Мать надо мной... Нет, это мне
приснилось...
Открыл глаза — глядит ее портрет,
И дверь открыта в вечность,
в звездный свет.

Перевел с кабардинского
А. КОВАЛЕНКОВ.

Фикрет ГОДЖА

Прощание

Старик на пенсию уходит.
Завод гудит... И этот звук
Напоминает всем, что внук
Там дедовскую песнь заводит.

Старик раскуривает трубку,
И трубка — первый раз — горит,
И вот, пока старик ворчит,
Завод раскуривает трубы.

Молчат,
Дымят.
Считают годы.
— Дыми один, раз полагается...
Стоят они, добры и горды.
Вот так товарищи прощаются.

А дым из молчаливых труб
За дымом с молчаливых губ
Летит...
И в небесах сливается.

Перевела с азербайджанского
Алла АХУНДОВА.

Николай РУБЦОВ

Родная деревня

Хотя проклинает проезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу!

Бывает, что пылкий мальчишка
За гостем приезжим по следу
Все ходит и думает: «Крышка!
Я тоже отсюда уеду!»

Среди удивленных девчонок
Храбрится, едва из пеленок:
— Зачем по провинции шляться?
В столицу пора отправляться!

Когда ж повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу...

Село Никольское,
Вологодской области.

перед праздниками проконтролироваться, а ребята чуть на бобах не остались.

— Ругаются, что ли?

— На чем свет стоит. Сверху донизу скребок пускают, с анекдотами и матерком.

Дожевал бутерброд, вздохнул:

— А все-таки зря я поехал...

— Да перестань ты скулить!— разозлился Прибылов, словно не он только что пел дифирамбы Белобородову.— Приехал так приехал и душу не мути. Проклятая старорусская интеллигентщина — во всем сомневаться. Да и чем горю поможешь, машина-то ушла, а? Не на чем ехать.

— В селе тут поблизости телефон есть, у шофера дома тоже. Связуешь?

— А до села километра три.

— До Луны триста тысяч, и то собираются.

— В ракете сидя, не на своих двоих.

— На своих двоих тоже хаживать надо, а то по законам естественной целесообразности истончатся конечности, вроде лучинок станут. В головоногих превратимся, как марсиане у Герберта Уэллса. Представь себе Прибылова в шестом или седьмом колене: одна черепная коробка, обтянутая кожей, а ее робот в колясочке возит... Картина?

Быстро, споро светало. Вершины елей, прежде как бы обугленные, наливались темной, с просверками зеленью, стволы начали коричневеть, роса, до того почти белая, приобрела синеватую прозрачность, вспыхнула искорками. Туман на лугу приподнялся, оторвался от первой ярко-зеленой травы, и стала видна речка с куртинами лозняка, за ней глинистый обрыв и еще дальше березовая роща, белокипенная понизу и дымчатая в верхах. Лицо Белобородова, свежее и уже загорелое, с мясистым, ширококрылым носом, не выражало ни усталости, ни огорчения. Обведя еще раз глазами поляну, словно пытаясь покрепче втиснуть ее в память и унести с собой, он удовлетворенно усмехнулся, встал:

— Хорошая все же была ночь... Освежающая! Так я двинул. Удочки привезете...

И ушел.

Прибылов выругался:

— Сто раз давал себе зарок не связываться с ним: вечно его заносит куда-то, вечно компанию ломает. Ну, разве тут отдых получается? Сплошная политическая дискуссия, обыкновенное жжение нервов. Этого у меня и на работе в достатке... А тянет к нему! Может, у меня, как говорят американцы, комплекс неполноценности, ищу возмещения, а? Термины-то какие идиотские...

— Может, и комплекс. Разберись и доложи.

— Ну-ну!.. Нет, правда, не поеду я с ним больше. И вообще ни с кем не поеду. Один убегать буду, у костерка посижу без помех, над омутком. Даже врачи говорят, что тишина нервы лечит, здоровья прибавляет. А с вами какая тишина? Табор, клуб!..

— Поедешь!— засмеялся преподаватель.— И с ним и с нами. Это кажется только, что кругом простор и всяк сам по себе решать волен; на самом деле все в одном лукошке сидим.

— Почему в лукошке? Цыплята, что ли?

— Ну, в лодке, на корабле, в ракете... Главное — не выскочишь, некуда выскочить друг от друга... Так что поедешь, а потом к случаю еще и в газете прорабатывать будешь. Ведь будешь?

— Буду. И я вас, и вы меня. Нет, что ли?

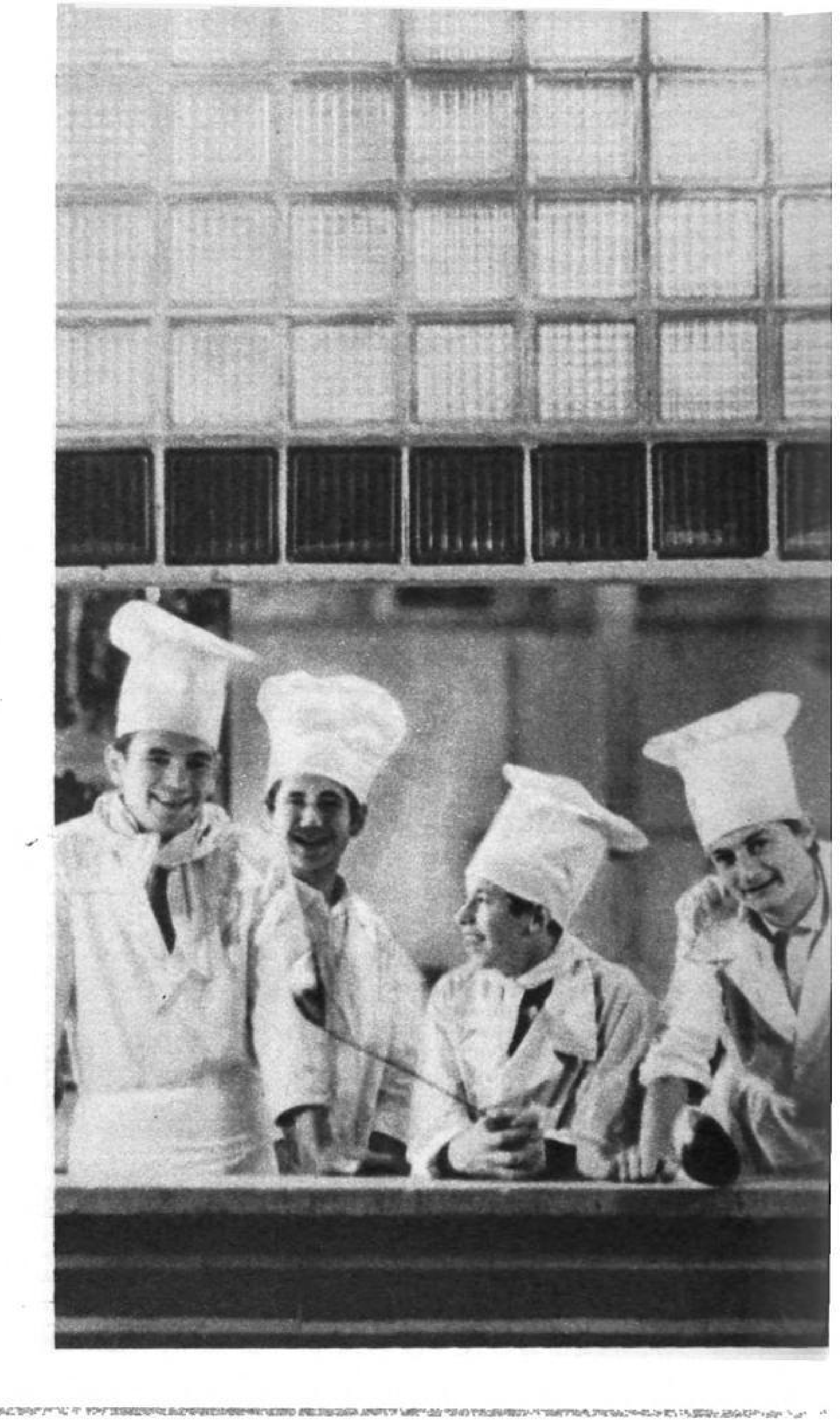
— Почему же нет? Тоже не икона.

— Вот именно... А может, уже на речку пойдем, ушицу добывать? После спокойной ночи с задушевной беседой, а?..

ГЕНЕРАЛЫ ОТ КУЛИНАРИИ

А. ПРОТОПОПОВ

Фото А. КАТИНА.

Сюда приходят очень юные парни и девушки учиться одному из самых значительных занятий на земле. Стоит только человеку появиться на свет и осмотреться — он немедленно просит есть. Сначала, конечно, он неприхотлив и может вполне обойтись не только без официанта, но и без повара. Однако не проходит и нескольких месяцев, как ему уже просто необходимо блюдо номер один — манная кашка. Вот тут, собственно говоря, человек и вступает во взаимоотношения с высокой наукой приготовления пищи и доведения ее до потребителя.

К сожалению, никто не может рассказать о своих первых вкусовых ощущениях. Некоторые люди, отведав блюда номер один, морщатся, некоторые улыбаются, некоторые не замечают его, занятые своими отвлеченными мыслями. Но прошло время, и человек начинает понимать толк в еде. Он начинает любить одно блюдо, не любить другое и оставаться безразличным к третьему...

Вот тут-то, если дело происходит в ресторане или столовой, следует встретить его во всеоружии. Нужно его окружить со всех сторон надежной боевой осадой бифштексов, каш, щей, зраз, окороков, фрикаделей и консоме, напустить на него отряды солений, эскадроны варений и боевые дивизии пирогов. С капустой, без капусты, с картошкой, без картошки, с подливой, без подливы — со всей силой и опытом, который накопили за человеческую историю боевые генерал-аншефы повара.

В этой войне едок должен сдаться и запросить пардону, он должен потерять способность к сопротивлению. А для того, чтобы перед наступлением сломить его волю, нужно выслать вперед дипломатический авангард, состоящий из элегантных, предупредительных, идеально выбритых и одетых официантов. Чтобы они создали настроение, вызвали улыбку и подготовили едока к тому, что придется сдаться...

Вот, собственно говоря, с какими замыслами юные парни и девушки идут во Львовское профессионально-техническое училище № 27, где готовят поваров и официантов.

Тысяча и одно блюдо должны научиться готовить воспитанники училища. Множество национальных кухонь, все ведущие кухни мира — острые, сладкие, мучнистые, пикантные, спокойные и даже экзотические и экстравагантные. Но эта задача поваров.

А задача официантов заключается в том, о чем уже говорилось: донести, довести, доставить. И, кроме того, подготовить поле брани, пользуясь хорошими манерами, знанием предмета и словами, от которых повышается настроение.

Поэтому здесь изучают много полезных вещей, в том числе и иностранные языки, без которых ни один дипломат никуда не годится...

И еще один необходимый предмет — любезность. О том, насколько важен этот предмет, рассказывают читатели «Огонька» на этих же страницах.

После выступления «Огонька»

ЛЮБЕЗНОСТЬ В ДЕФИЦИТЕ

В № 33 «Огонька» за прошлый год была напечатана статья «Экспедиция за любезностью». Этой статьей редакция начала разговор о советском сервисе. Точнее говоря, разговор этот явился продолжением тех репортажей, которые уже не раз публиковались на страницах журнала. Читатели горячо откликнулись на эти выступления и как бы продолжили экспедицию за любезностью. Они искали ее в кафе, ресторанах, булочных, магазинах, ателье, гостиницах, поездах — одним словом, всюду, где любезность, вежливость должны быть первыми условиями обслуживания. В своих письмах читатели подтверждают: любезность в сфере обслуживания пока еще находится в дефиците.

Читатели делятся своими наблюдениями, возмущаются, негодуют. Но не только. Они выступают с предложениями, сравнивают — одним словом, близко к сердцу принимают то, что происходит в сфере обслуживания. Оно и понятно: с этой сферой соприкасаемся все мы.

Итак, экспедиция за любезностью продолжается. На этот раз ее ведут читатели.

Вновь московский ресторан «Украина». За столиком посетители А. Федоров и А. Меерович. Они пришли пообедать. Через сорок минут официант, пролетевший мимо, сообщил, что столик этот вовсе не обслуживается. Почему? А потому. И все... Через десять дней Федоров и Меерович получили из Мосресторантреста ответ на свою жалобу. В ответе сообщалось, что приняты меры, проведено совещание и вообще впредь в «Украине», так сказать, фирменным блюдом станет любезность. Доверчивые читатели вновь отправились в «Украину». Через сорок минут... Впрочем, не будем повторяться. Правда, проявив настойчивость, читатели все-таки пообедали и пришли к заключению: «Обеды дорогие и невкусные, обслуживание безобразное».

Но вот ленинградец В. Кричевский, приехавший в Москву в командировку, встретил любезность в кафе «Континент». Официант С. Кудрявцев был предельно вежлив и любезен. Даже приветлив. Несмотря на то, что в кафе не оказалось ни лимонада, ни минеральной воды, ни кваса, ни даже кофе и мороженого, он раздобыл целый кувшин кваса, помог выбрать в меню самые вкусные блюда, а счет принес на блюдечке с голубой каемочкой. Кричевский с друзьями, которых он пригласил поужинать, были растроганы. Но вот сквозь слезы умиления они увидели сумму счета и пришли в ужас: она на семь рублей расходилась с истинной. Такая любезность показалась Кричевскому слишком дорогой. Администратор Сомова хотя и согласилась с этим, но жалобную книгу дала со словами: «Все равно писать некуда, все уже исписано». Сослуживцы официанта хором заступились за своего товарища: «Простите его, сегодня получка, вот он и выпил лишнего». Только тогда и администратор Сомова убедилась, что официант пьян.

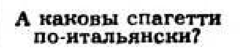
Любезность с пьяных глаз да еще за семь рублей!.. Дальше, как говорится, некуда.

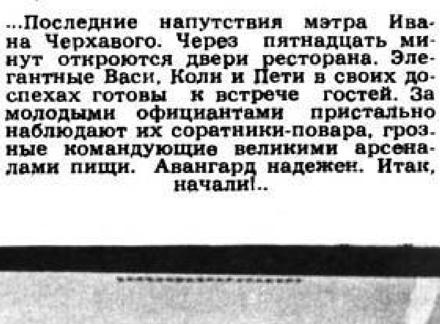
«Что греха таить,— пишет из Харькова заместитель директора ресторана «Тополь» М. Бобоюдо, проработавший на предприятиях общественного питания добрых сорок лет,— как часто мы хвалимся: 25 благодарностей и всего одна жалоба! А почему мы не подсчитываем, сколько бывает жалоб устных? А сколько невысказанного недовольства, приводящего к тому, что посетители просто избегают заходить в ресторан?

Надо признаться, что официанты проклинают дневные часы, потому что с 12 до 18 мы продаем дешевые комплексные обеды. Оживляются они вечером, когда появляется выпивающая публика: ведь именно спиртные напитки дают прибыль, а любители выпить... чаевые.

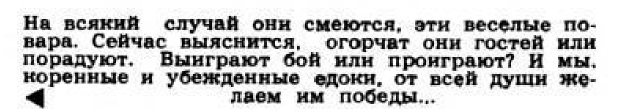
Что касается вежливости, то она, конечно, зависит еще и от любви

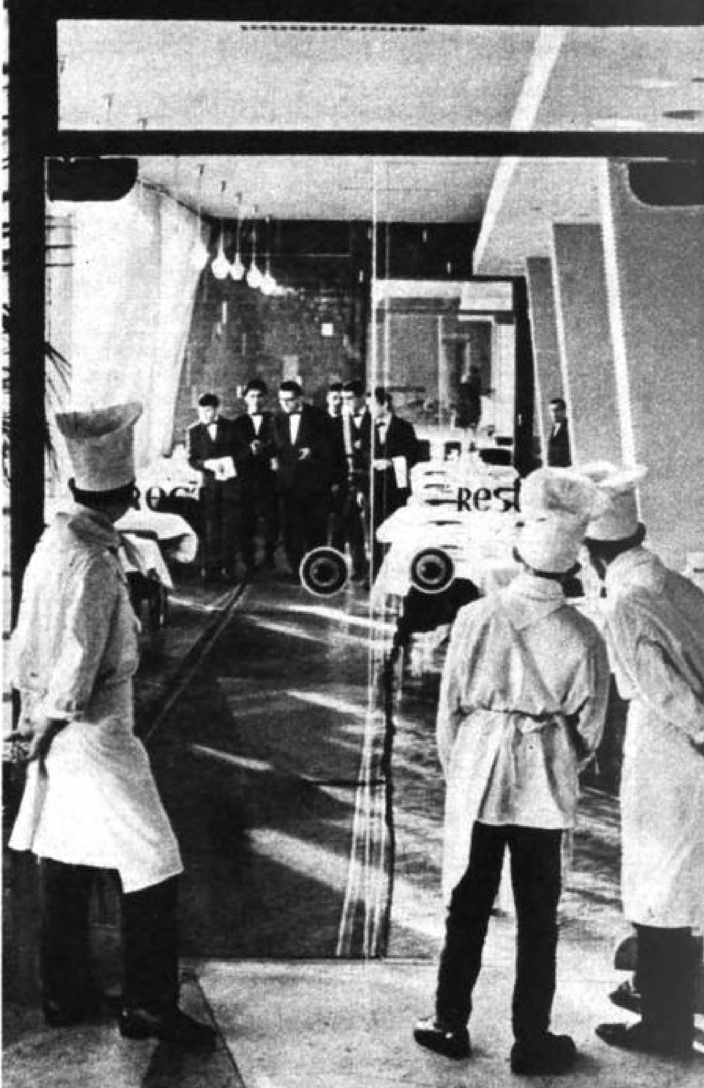

А каковы спагетти по-итальянски?

...Последние напутствия мэтра Ивана Черхавого. Через пятнадцать минут откроются двери ресторана. Элегантные Васи, Коли и Пети в своих доспехах готовы к встрече гостей. За молодыми официантами пристально наблюдают их соратники-повара, грозные командующие великими арсеналами пищи. Авангард надежен. Итак, начали!..

Вы думаете, это так просто — сервировать стол? Конечно, вилка слева, нож справа, салфетка конусом... Ничего подобного! В этой науке все время происходят изменения. Как во всякой другой науке. Это наука удобств. А удобство — штука капризная. И надо быть специалистом, чтобы сервировать стол научно! Об этом и рассказывает своим ученикам официант-«академик» Славко Струк.

На всякий случай они смеются, эти веселые повара. Сейчас выяснится, огорчат они гостей или порадуют. Выиграют бой или проиграют? И мы, коренные и убежденные едоки, от всей души желаем им победы...

◀

к делу. А прививать эту любовь, учить культуре обслуживания — долг каждого руководителя предприятия».

Житель Фрунзе Т. Девятияров с возмущением пишет о том, как обидели покупательницу в недавно открытом «Гастрономе». Она попросила две бутылки пива из холодильника и в ответ услышала от продавца: «Стану я еще с каждой нянчиться!» Услышала и просто непристойную брань. «Я написал в газету,— сообщает Т. Девятияров.— Мое письмо переслали в управление торговли, я не верю, что мои соображения послужат программой действий. Но суть не в этом. Я написал в «Огонек», думая, что мое письмо поможет в написании следующей статьи, подобной «Экспедиции за любезностью».

Итак, читатель считает необходимым продолжать разговор о любезности.

О том же пишут читатели Е. Теплицкая из города Бабушкина, В. Маслов из Донецка, Н. Шестакова из Московской области и многие другие.

Е. Теплицкая, обратившаяся в телевизионное ателье № 9 города Бабушкина, встретилась с той самой недоброжелательностью и раздражительностью, какая была уже описана в «Экспедиции за любезностью». Мастер Левин, явившийся к ней домой, предложил отнести телевизор в ателье и за этот «совет» выписал счет на 80 копеек.

В. Маслова, приехавшего в Москву, грубо, раздраженно, крикливо встретила администратор гостиницы «Золотой колос» Бычкова.

Н. Шестакову оскорбила проводница вагона № 11 поезда № 103 Саратов — Москва. В ответ на просьбу дать горячего чая или хотя бы кипяченой воды детям проводница ответила: «Чаю нет и не будет. На детей мне наплевать, и вообще отстаньте от меня».

К сожалению, сей скорбный список грубостей, хамства, наплевательского отношения к покупателям, посетителям, клиентам, пассажирам можно было бы продолжить.

Но перейдем к тем выводам и практическим соображениям, которые высказывают в своих письмах читатели, продолжившие «Экспедицию за любезностью».

Вот предложение читателя тов. Бакина из Актюбинска. «Подошел официант к посетителю. Принял заказ и тут же записал в свою именную книжку-счет. Оторвал бланк и отдал повару-раздатчику. Кончилась смена, и по именным счетам произведен расчет. Только не надо подозревать, что официант вступит в сговор с поваром-раздатчиком. Надо больше доверять людям. Если же попадется мошенник, ему не уйти: он же среди честных людей.

И еще. Очень важно, чтобы посетитель знал, кто его обслуживает. На мой взгляд, это тоже просто. Столик, на нем изящная подставочка с номером. На груди официанта тоже номер. И уж тут ему не удастся отделаться ответом: «Не мой столик».

Упоминавшийся уже читатель М. Бобоюдо поддерживает предложение автора статьи «Экспедиция за любезностью»: «Установить зарплату официантам не с общей суммы выручки (в которую входит и счет за выпивку), а с количества проданных блюд».

Читательница Т. Костогонова делится своими впечатлениями от поездки в Будапешт. «В первый же вечер наша небольшая группа зашла поужинать в ресторан при отеле. Все столики оказались занятыми, и мы, разочарованные, по московской привычке уже повернули к выходу. И вдруг к нам подошел очень любезный человек, осведомился, сколько нас, и тут же нам был организован стол и ужин. И это совсем не потому, что мы приезжие, точно такое же отношение мы видели ко всем.

В магазинах я порою просто стеснялась подходить к прилавку, потому что передо мной немедленно и с любезной улыбкой начинали раскладывать самые разнообразные товары, хотя я и уверяла, что мне ничего не нужно, кроме какого-нибудь пустячка. Честное слово, хотелось просто расцеловать за такую внимательность, хотя эта внимательность и чисто профессиональное качество».

Можно было бы еще и еще приводить наблюдения и предложения наших читателей. Приведем в заключение только одно, высказанное читательницей, подписавшей свое письмо так: «Н. Б. А». «Я работаю в сельской школе,— пишет она.— Каждые каникулы я выезжаю отдыхать в другие места, но всегда возвращаюсь с испорченным настроением, а портят его как раз работники сферы обслуживания. Но говорить, писать, дискутировать об этом все равно, что изобретать вечный двигатель. Не пора ли от разговоров перейти к действиям?»

Этот призыв «Огонек» обращает к работникам сферы обслуживания. К сожалению, в потоке писем, поступивших в редакцию, нет ни одного от тех, кто этой самой сферой руководит. Поразительное равнодушие!

Автор «Экспедиции за любезностью» высказал ряд практических предложений. Высказали их и читатели, любезно продолжившие «Экспедицию». Может быть, они неприемлемы? Может быть, есть другие, более радикальные? Но почему вы отмалчиваетесь, уважаемые товарищи руководители сферы обслуживания? И в первую очередь мы ждем ответа Министерства торговли СССР.

ОТКРЫТИЕ МИРА

М. ЛИБМАН,
кандидат искусствоведения

На Выставке шедевров музеев Франции, как и на всякой значительной выставке, побывало, конечно, немало зрителей. Но у некоторых картин всегда было особенно людно.

Именно к таким картинам относятся произведения нидерландских мастеров начала XVI века — «Корабль дураков» Иеронима Боска и «Гадалка» Луки из Лейдена, скромные по размерам, лишенные пышности, свойственной творениям Мантеньи, Тициана, Тинторетто.

Но, отдавая должное выдумке и остроумию художников, зритель не всегда уяснял себе истинное значение этих маленьких картин. А когда он узнавал, что Боск — современник Леонардо да Винчи, а Лука Лейденский родился в тот же год, что и Корреджо, иными словами, эти нидерландцы — люди эпохи Возрождения, он нередко испытывал чувство недоумения.

Да, и Леонардо, и Рафаэль, и Босх, и Лука Лейденский— представители Ренессанса. Но если двое первых представляют итальянское Возрождение, то последние два — Возрождение северное.

Эпоха Возрождения — это время открытия реального мира, время почитания человеческой индивидуальности, время революционных сдвигов в образе мышления. Но эти революционные сдвиги принимали в разных странах различную форму. Именно это обстоятельство придает искусству Европы XV и XVI веков бóльшую по сравнению со Средневековьем многогранность.

Для итальянца эпохи Возрождения главное — красота и совершенство мира. И самое прекрасное в этом мире — человек. Человек заслоняет собой все остальное, он господствует над всем, яркая индивидуальность подчиняет себе всех и вся. Но так думали итальянцы. Северяне, относившиеся также с достаточным пиететом к индивидуальным качествам человека, все же не мыслили себе личность вне общества. И если у итальянцев герой — это прекрасный человек в прекрасном мире, то люди, жившие по ту сторону Альп, интересовались в большей степени душевными качествами человека. Проблемы этические и моральные были для них важнее эстетических.

Только исходя из этих позиций можно понять смысл произведений нидерландских художников.

В 1494 году в Базеле вышла из печати книга известного писателя и гуманиста Себастьяна Бранта под странным названием «Корабль дураков». Этой книге было суждено донести славу ее творца до наших дней. В несколько наивных, быть может, нарочито наивных стихах поэт бичует пороки людей своего времени. Как представитель новой, светской учености, он обрушивается на всякого рода невежество, суеверия и на носителей этих зол, в том числе и на католическое духовенство. Будучи человеком третьего сословия, он ополчается на дворян и священников. Как потомственный горожанин, он осуждает рыцарство, но издевается также над неуклюжими и грубыми крестьянами и вообще над тупой чернью. В годы, предшествовавшие Реформации, когда борьба сословий шла в каждом городе, в каждой сельской округе, книге Бранта был обеспечен успех. Она была понятна простому народу. Вскоре ее перевели с немецкого на большинство европейских языков, и она стала достоянием, по сути дела, всей Западной Европы. Что удивительного в том, что художники с жадностью ухватились за этот благодатный материал! «Корабль дураков» Иеронима Босха является как раз образцом претворения идей Бранта.

Иероним Босх ван Акен родился в середине XV века в Гертогенбосе, на территории теперешнего королевства Нидерландов. Этот самобытный художник прославился преимущественно странными аллегориями, где элементы реальности причудливо и как будто произвольно перемешаны с порождениями необузданной фантазии. Недаром нынешние сюрреалисты увидели в Босхе своего далекого предтечу. Но приспешники сюрреализма жестоко ошибаются. За фантастикой Босха прячутся вполне конкретные идеи, за кажущимся произволом выступает железная логика. То, что нам, людям XX века, непонятно, было вполне доступно современникам художника. Просто средневековое аллегорическое мышление настолько вошло в плоть и кровь человека Ренессанса, что он и воспринимал отвлеченные идеи лучше всего в виде иносказаний. К тому же пословицы, поговорки, крылатое словцо были тогда в большей степени достоянием народа, чем сейчас, и поэтому ими часто пользовались писатели и художники. Наконец, в те жестокие времена, когда еретиков, инакомыслящих жгли на кострах и подвергали страшным пыткам, было безопаснее выражать свои мысли в завуалированной форме.

Вот где истоки босховской чертовщины, вот почему он изобразил на одном из алтарей греховное человечество восседающим на высоком возе с сеном и влекомым исчадиями ада навстречу гибели, вот почему в образе нищего коробейника, бесцельно блуждающего по градам и весям, он обобщил свои взгляды на современника.

Становится понятным, чем Босха привлекла сатира Себастьяна Бранта. Луврский «Корабль дураков» мог бы служить иллюстрацией к предпоследней главе сатирической поэмы, где речь идет о глупцах, плывущих на корабле день и ночь без всякой цели. И так как они не знают, где причалить, пути этому не видно конца.

Итак, пассажиры лодки брошены на произвол судьбы. Вместо того чтобы стремиться к цели, они предаются мирским забавам: пьют, едят, поют и играют. Причем, заметьте, главные персонажи здесь — монах и монашенка; они, по мнению художника, являются носителями зла. О том, что в лодке собрались дураки и нестоящие люди, свидетельствуют и присутствие шута и глупые занятия людей: один из них карабкается по гладкому стволу Майского дерева, служащему мачтой, чтобы срезать куриную тушку, другие пускаются вплавь, чтобы набрать воды, вместо того, чтобы зачерпнуть ее, сидя в лодке. Какое-то сокровенное значение имеют и рожа, выглядывающая из листвы Майского дерева, и горшок, надетый на шест. Босх недвусмысленно выразил свое пессимистическое отношение к человечеству. Вместе с тем он столь же ясно осудил чревоугодие и блудливость духовенства, став таким образом на сторону многочисленных противников этого сословия.

Босх, как и многие его северные собратья по ремеслу, уделял основное внимание этическим задачам, но он был настоящим и большим художником, и его морализирующее произведение является все же в первую очередь произведением искусства. Босх — тонкий колорист. При обилии фигур его картины никогда не кажутся пестрыми. Так и здесь: множество оттенков зеленого объединяют композицию. В этот зеленоватый фон вкраплены неяркие — серые, красные, голубые — тона. Особый цветовой эффект придает колориту бледно-розовый флаг, развевающийся на мачте.

* * *

Другая нидерландская картина, показанная на выставке, возвращает нас из мира фантастики на почву реальности. Это недавно поступившая в Лувр «Гадалка» Луки Лейденского.

Лука из голландского города Лейдена прожил короткую жизнь, но оставил значительный след в развитии искусства Нидерландов. Четырнадцатилетним мальчиком он создает гравюры резцом на меди, удивительные своим совершенством. При этом он часто изображает бытовые сцены. Еще предшественники Луки, граверы XV века, обращались к жанровым темам. Так что в этом смысле голландца новатором не назовешь. Но редко кто придавал бытовым сценам такой искренний и безыскусный характер, как это сделал Лука в своем «Скотном дворе» (эта гравюра более известна под названием «Коровница»).

В какой-то момент молодой художник решился на смелый шаг: он стал писать картины на бытовые темы. А этого до него почти никто из живописцев не делал. Сейчас мы можем лишь предполагать, что у Луки были заказчики, заинтересованные в картинах такого содержания. Знать мы этого не знаем. Но факт остается фактом: до нас дошли три жанровые картины мастера. А было их, наверное, значительно больше. Правда, их содержание не столь демократично, как содержание гравюр. Это сцены времяпрепровождения богатых бюргеров: игра в шахматы, игра в карты,— и, наконец, луврская картина «Гадалка».

Молодая женщина, гадалка, занимает главное место в этой маленькой картине. Юноша принимает из ее рук гвоздику — символ супружеской верности. Главные действующие лица окружены персонажами, среди которых выделяется шут с грубой физиономией.

Изображает ли эта сцена посещение молодым кавалером гадалки?

Иероним Босх (около 1450—1516).

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ.

Париж. Лувр.

«Огонек». 1966.

Лука Лейденский (1494—1533).

ГАДАЛКА.

Париж. Лувр.

Ганс Гольбейн-младший (около 1497—1543).　　ПОРТРЕТ СЭРА ГЕНРИ УАЙЕТА.　　**Париж. Лувр.**

Предсказывает ли гадалка юноше женитьбу, как это сказано в каталоге выставки? В картине много загадочного, многое заставляет думать, что в ней запрятано какое-то второе значение, какой-то нам непонятный намек...

Скорее всего здесь изображены жених и невеста. Куртуазно поведение юноши: зачем бы ему снимать берет, принимая цветок из рук простолюдинки? Слишком изысканно одета предполагаемая гадалка. Быть может, молодая женщина пытается по картам разгадать судьбу своего брака? А что означает зловещая ухмылка шута? Ведь недаром он выделен в центр картины! Да и наряжен он в желто-зеленый полосатый колпак и розовое одеяние, в то время как платья остальных действующих лиц обладают более сдержанными цветами.

Так нередко случается со старыми картинами; их содержание для людей последующих веков неясно. Но это не меняет главного: перед нами один из самых ранних образцов бытового жанра. И нельзя забывать, что такого рода скромные картины являются прямыми предшественниками жанровых произведений Питера Брейгеля, Франса Хальса, Адриана Броувера.

* * *

Итальянцы эпохи Возрождения считали себя лучшими живописцами Европы. Но была одна область, в которой они делили пальму первенства с северянами,— то был портрет. Характерно, что многие итальянские аристократы заказывали свои портреты не у местных, а у нидерландских и немецких мастеров. Некоторые художники пользовались славой замечательных портретистов далеко за пределами родины. К ним в первую очередь принадлежит Ганс Гольбейн младший.

Ганс Гольбейн родился в Аугсбурге, в Южной Германии, в семье художника — также Ганса и также Гольбейна, но прозванного старшим, дабы не спутать его с талантливым сыном. Младшему Гансу не сиделось в родных местах, и юношей он отправился в швейцарский город Базель. В те годы Базель был крупным культурным центром; там были знаменитые книгопечатни, там собирались ученые, там жил не кто иной, как глава немецких гуманистов Эразм Роттердамский. Эразм приблизил к себе одаренного художника и в дальнейшем его опекал, хотя ученый, конечно, не мог предвидеть, что Гольбейн увековечит его облик своей живописью.

Более чем за десять лет работы в Базеле Гольбейн превратился из безвестного художника в европейскую величину. Что же привлекало современников в портретном искусстве мастера? Гольбейн неподкупно объективен в передаче черт модели, характеристика изображенного точна до мельчайших подробностей. В эпоху, когда индивидуальности придавалось столь высокое значение, изумительный дар живописца ценился чрезвычайно. Да и сам художник им гордился. Недаром на некоторых его картинах значатся слова, восхваляющие удивительное сходство портрета с моделью, да еще на латыни, да еще в стихах. Так, на портрете гуманиста, друга Эразма Роттердамского, Бонифация Амербаха значится гордая надпись: «Хотя я и написан красками, я равен своему образцу».

В стремлении показать мир таким, какой он есть,— без идеализации, без прикрас,— Гольбейн не останавливался ни перед чем. Даже образ мертвого Христа лишен в его трактовке нимба святости. Перед нами труп. Труп, начинающий разлагаться. Недаром Достоевский был потрясен, увидев эту картину. В романе «Идиот» князь Мышкин восклицает: «Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!»

Но вернемся к портретам Гольбейна. При всей объективности и точности в передаче образа художник не впадает в натурализм. Его всегда интересует сущность человека, он пишет не только оболочку модели, но и ее характер. Гольбейн оставил последующим поколениям галерею своих современников, охватывающую интереснейших людей тех лет. Здесь немцы и швейцарцы, англичане и французы, здесь коронованные особы и представители аристократии, философы и политические деятели, купцы и ученые.

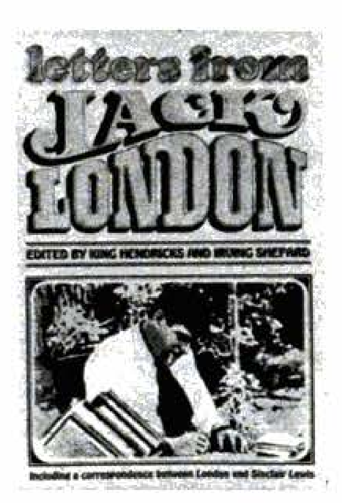
В 1526 году Ганс Гольбейн отправляется в Лондон. С собой у него рекомендательное письмо от Эразма Роттердамского к Томасу Мору, канцлеру короля Генриха VIII и автору знаменитого сочинения «Утопия». Судя по всему, художник пустился в это далекое путешествие главным образом, чтобы написать портрет Мора и членов его семьи. Увы, портрет этот погиб. Тем более жалко, что это был первый групповой портрет в европейской живописи.

При посредничестве Томаса Мора Гольбейн получил заказы на другие портреты, в том числе и на портрет сэра Генри Уайета, друга канцлера. Сэр Генри Уайет из замка Аллингтон был придворным еще при Генрихе VII. Сын и наследник старого короля, Генрих VIII призвал его в советники. Таким образом, перед нами портрет аристократа и придворного. Но не в правилах Гольбейна было льстить модели. Он пишет бульдожью физиономию королевского советника, его безобразный нос, дряблые щеки, серые, нездоровые тени на лице. Но за этой непригладной внешностью выступает — и тут художник не менее правдив — характер волевой и решительный, образ умного и деятельного человека, человека эпохи Возрождения. Поговорка гласит, что у книг есть свои судьбы. С еще большим основанием это можно сказать о произведениях искусства. Портрет Генри Уайета попал какими-то путями в галерею графа Арундейля. Сын последнего спустил отцовское наследство и в том числе картинную галерею — одну из лучших в Европе. Портрет Гольбейна приобрел богач, кельнский банкир Ябах. В 1671 году министр французского короля Людовика XIV Кольбер купил портрет английского вельможи для королевского собрания. Так картина попала в Лувр...

Три картины, созданные в течение четверти века... Как они различны по сюжету, настроению, манере письма! И все же все они порождены о д н о й эпохой — эпохой страстных поисков, эпохой открытия реального мира — одним словом, великой эпохой Возрождения.

ОСНОВНОЕ — ИСКРЕННОСТЬ

90 лет назад, 12 января 1876 года, родился один из крупнейших американских прозаиков начала XX века, Джек Лондон.
Северные рассказы, повесть «Зов предков» и романы «Мартин Иден», «Железная пята», «Морской волк», «Белый клык» принесли ему всемирную славу.
Не только герои произведений, стойкие и бесстрашные люди, но и личность самого Джека Лондона, щедро одаренного природой, привлекала читателей. Он прошел путь от бродяги, матроса, золотоискателя и фермера до знаменитого писателя, поднялся до понимания необходимости социалистической революции.
Недавно в США издан том, в котором впервые опубликовано около 400 писем Лондона. Том открывается письмами молодого Джека Лондона к издателям, написанными еще до появления его первых рассказов, и завершается запиской, посланной незадолго перед смертью.
Известно, какие серьезные препятствия встретил Джек Лондон, пробивая себе дорогу в литературу. Не меньших усилий стоило ему отстоять свои эстетические принципы. Об этом и узнаем мы из письма президенту издательства «Макмиллан компани» Джорджу Бретту, сегодня впервые публикуемого (с небольшим сокращением) на русском языке.

Джорджу Бретту
Окленд, Калифорния,
7 марта, 1907

Дорогой мистер Бретт!
Отвечаю на Ваше письмо от 28 февраля. Нет, если бы даже Вы представили мне веские доказательства того, что публикация сборника «Дорога» [1], судя по всему, замедлит продажу других моих книг, это не повлияло бы на мое решение печатать его. И хотя Вы не высказали причин своих опасений, мне кажется, я их понимаю. Допускаю, что в первое время после публикации спрос на мои книги уменьшится, но в итоге, я уверен, все же никакого ущерба не будет. А по поводу «Дороги», в частности, и обо всех своих произведениях вообще я хочу сказать следующее.

В «Дороге» и во всем своем творчестве, во всем, что я до сих пор сказал, написал и сделал, я был правдив. Такой уж я себе выработал характер; в этом, я уверен, и состоит важное мое достоинство. По мере того, как мой характер выражался в моей работе, он время от времени наталкивался на противодействие, встречался с нападками и порицаниями, но я пробился сквозь все это, благодаря чему существо моей натуры выразилось в творчестве куда ярче и правдивее.

Я всегда считал, что основное литературное достоинство — это искренность, и я старался быть достойным этого принципа.

Если вышесказанное — заблуждение, если мир за это отвергнет меня, я скажу: «Прощай, гордый мир!» Уйду на ферму, стану сажать картофель и разводить кур, чтобы набивать свой желудок и поддерживать силы в моем теле.

Готов допустить, что я совершенно неправ, считая, что искренность и правдивость являются моими важнейшими ценными качествами. Я готов допустить, что полностью ошибся в своих расчетах. Тем не менее, оглядываясь на свою жизнь, я прихожу к одному важному выводу: ИМЕННО БЛАГОДАРЯ ОТКАЗУ ПРИСЛУШАТЬСЯ К ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩИМ СОВЕТАМ Я СДЕЛАЛСЯ ТЕМ, КТО Я ЕСТЬ. С самого начала, если бы я послушался совета издателей журналов, я бы вскоре провалился. Журнал Мак-Клюра давал мне 125 долларов в месяц и хотел за похлебку и кусок хлеба добиться моей покорности. Филлипс говорил: «Пишите вот такие и такие рассказы для наших журналов. Бросьте писать рассказы, какие вы пишете». Короче говоря, он хотел заставить меня убрать из моих рассказов всю их суть; хотел сделать из меня евнуха, хотел, чтобы я писал мелочные, самодовольные и благодушные буржуазные рассказы; хотел, чтобы я увеличил число умных посредственностей и потворствовал изнеженным, ожиревшим и трусливым буржуазным инстинктам. Я отказался это сделать и порвал с Мак-Клюром. Филлипс выругал меня и отобрал свои 125 долларов в месяц. Для меня настали тяжелые времена. Вы помните, в Нью-Йорке я вынужден был взять у Вас денег на проезд в Калифорнию. Но в конце концов я все же пробился, я был прав, что не послушался совета Филлипса.

Так и в данном случае, будучи упрямым по натуре, я ощущаю необходимость следовать своим собственным суждениям. Тем не менее я Вам благодарен за Вашу заботу — не только за указание на обстоятельства, которые могут возникнуть вследствие публикации «Дороги», но и за деликатную форму, в какой Вы это сделали. В самом деле, ведь я позволил себе предположить некие возражения, которых Вы и не делали.

«Дорога» мною продана в журнал «Космополитен». Первый очерк будет напечатан в майском номере. Полагаю, они продолжат публикацию, пока не поместят весь цикл. [...]

В прошлое воскресенье яхта во второй раз выходила в пробное плавание [2]. Для меня она истинное наслаждение. Ни о каких новых перестройках не может быть и речи. Выйти на ней в плавание раньше первого апреля не смогу. Я уже перестал устанавливать точные даты моего отплытия.

Искренне Ваш
Джек Лондон.

Перевел с английского
В. БЫКОВ.

---

[1] «Дорога», сборник рассказов о бродягах и об американской тюрьме, автобиографична. Опубликована в ноябре 1907 года.

[2] Речь идет о яхте «Снарк», сооружавшейся по проекту Лондона для путешествия вокруг света. Постройка яхты в связи с землетрясением в Сан-Франциско сильно затянулась, а путешествие неоднократно откладывалось.

Маленький роман

СТУДЕНОЕ УТРО

Алексей ПАНТИЕЛЕВ

Рисунки П. Караченцова.

Павлищев достал подводу — розвальни и тулуп.

Он повез девушку сам, предварительно обув ее в нарядные подросточные чесанки с розовым нитяным узором сбоку, у подъема. В них она выглядела совсем маленькой, не учительницей — ученицей.

Доехали живо. Сани были устланы душистым сеном — сидеть мягко, под тулупом уютно, не хотелось вылезать... В большом селе у кромки пихтового леса спешились, и гостья из области, в густых облаках пара, вошла в правление колхоза — громадную пустую избу, поразительно чистую и теплую. Вошла в мир, в котором причудливо перемешалось старое и новое, «божественное» и мирское, корысть и совесть тех дней.

Она никогда не жила в деревне, но знала, что в здешних местах наполовину хлебопашествовали, наполовину промышляли кустарным ремеслом.

Что делали? Били баклуши... то бишь начерно обкалывали чурбаки под деревянную посуду — ложки, чашки и старомодные бражные жбаны с резными ручками и навесной крышкой. Тесали клепку, кедровую — под пивные и винные бочки и осиновую — под соленья, сельдь и капусту. Из пихтовой лапы гнали смолу; смола, по слухам, шла на неведомую прежде в России пластмассу, а также на скипидар, сургуч, лак, замазку. Еще работали по шерсти и коже. Знали тут пимокатное и овчинное рукодельство. Занимались им многие, как и в самом Семипалатинске. Тем город славился от века, на том стоял.

Сказано: человек хлебом живет, не промыслом, но за Ульбой жили и тем и другим. А каковы промыслы, таковы и помыслы. Павлищев привез гостью в завидное место: в этом селе она впервые отведала парного молока. Угощали — не таились. Подали на белоснежном полотенце с красными петухами, вышитыми крестом. Село — хоть напоказ!

Председатель колхоза Боровых — крепкий, надежный, сразу видно, что не подставной. Из кержаков, но был в Красной гвардии. Народил двенадцать детей. Жена у него — суровая, богомольная старуха. Он побаивался ее. Перед ним робели все. Собой неказист, лицо посечено оспой, походка медвежья, а, оказывается, мастер спеть; умел и хороводные, и обрядные, и сказы, и духовные стихеры, любил и понимал красное словцо — и шутку и лозунг.

Повадкой прост председатель, а в деле никакого страха не знал и на уполномоченных не оглядывался. Колхоз свой назвал с тонким намеком: «Орден Красного Знамени».

Девушка смотрела на него с почтением. Павлищев держался в сторонке — подчиненным, маленьким бухгалтером. Когда его спрашивали, отвечал, справляясь в записной книжечке. А Боровых упорно величал его д я д е й В а н е й. Так звали тезку Ивана Викентьевича — известного головореза, бежавшего в прошлом году на Черный Иртыш.

Вообще про бандитов Боровых говорил легко, весело:

— В лес ходим за лыком, пихтой, вестимо, беспокоим их. Ан у нас и бабы не пужливы, не визгливы... Вон Демид Михнин, по науличному — Демидка Махоня, немало сомущал народ, а пришел его срок, позвал я его, глядишь, из лесу вышел, в колхоз взошел! — Павлищев кивал головой, слегка прикрывая глаза.

Вечером председатель собрал собрание. В первом ряду расселись благолепные старики. Позади мужиков — бабы, на подоконниках — девки. Приоделись. Сарафаны цвели по-летнему из-под расклешенных старинных боярских душегреек.

Пришел и Демидка Махоня и ему подобные. Боровых окликнул их, чтобы показать приезжей:

— Здорово, Демид! Здорово, Исидорыч!

Ему отвечали чинно, спокойно:

— Здравствуйте-ка...

Иван Викентьевич сел во втором ряду.

В области девушку учили говорить на местах решительно, не церемонясь: «Не сделаете, не дадите,— положите партбилеты на стол!..» Партийцев на селе было немного, но они были силой.

Но девушка говорила на собрании иначе. Из книжек она знала, как Дзержинский, Пархоменко приходили безоружные к восставшим эсерам, анархистам и единственно правдивым словом переламывали их настроение. Отец рассказывал ей, как в Петрограде на многолюдных митингах пламенно выступала Александра Коллонтай, дочь героя болгарской войны Михаила Домонтовича, первая женщина-нарком.

Так говорить речи девушка и не мечтала. Так она не умела. Но она верила в разумное и честное слово. И говорила так, будто перед ней детишки в школе: не крикливо, доступно для всех и по возможности не нудно. Она говорила так, будто знала, что через несколько месяцев появится статья «Головокружение от успехов».

Слушали ее сперва с недоверием: действительно ли она из области? Потом заинтересовались. У нее было пристрастие к цифре, а цифру крестьянин почитает, она примета самостоятельности.

— Колхоз — это трактор,— объясняла приезжая, стоя под керосиновой лампой.— В двадцать четвертом году мы построили своих два трактора, в нынешнем дадим по плану три тысячи. В будущем году — десять тысяч! С машиной дешевле, выгодней...

— Как так дешевле? Нешто это может быть? А бензин? Забыла? Говоришь, чего не смыслишь... без разуменья!

Девушка стала загибать пальцы:

— Если пахота гектара на живом тягле обойдется в десять рублей, на тракторе — в семь рубликов девяносто семь копеек. Посев... соответственно два семьдесят пять и рубль девяносто девять. Уборка: на лошади — четыре с полтиной, а на тракторе — два рубля двадцать девять копеек! Включая и бензин... Спрашивается, есть тут разуменье?

В избе стало тихо, как в церкви.

— В итоге на каждом гектаре кладем в карман пять рублей чистых. Вот вам подарок рабочего класса.

— Эк она... лихоманка! — сказал дед из первого ряда.— Врет, а не запнется!

Девушка называла цифры наизусть, как верующая «Отче наш». Это было мужикам по душе.

А она то и дело посматривала в сторону темных входных дверей: не видно ли там товарища Карачаева? Пусть бы он сейчас крикнул на нее или обмолвился про ее шелковые косы... Попробуй-ка обругай...

До поздней ночи ее пытали вопросами, и она, не дрогнув, ответила на все: и про мировую революцию, и про женский стыд, и про лорда Керзона, и про жизнь на Марсе, и про то, где казнили царя Николашку.

Под конец подошел к ней дед из первого ряда с такими словами:

— Утешила. Хотя ты от земли три пяди, за твое соображение ума тебе — делву с медом. («Делва» по-церковному «бочка».)

Павлищева в толпе не видно было. Дядя Ваня исчез, незаметно, без шума, до утра.

Назавтра, в воскресный день, гостья вознамерилась проникнуть в кержацкую тайную молельню; в селе имелась, конечно, не одна. Попросила Павлищева: не сводит ли помолиться по здешнему чину и уставу? Он ответил и впрямь по-раскольничьи:

— В пимах, дева, молиться, грех... как сидя креститься...

— Я разуюсь.

— Скажут: баские у вас ножки!

Иван Викентьевич щурился, почесывая ногтем мизинца нос, но говорил с ней заметно суше, строже. От недавней доверчивости и добродушия не осталось и тени.

Тогда девушка принялась рисовать, как предсказывал Карачаев, только не красно-синим, а угольно-черным карандашом, и не горы и воды, а лицо Павлищева.

Иван Викентьевич долго упирался, отворачивался. Боровых уговаривал его. Наконец бухгалтер сдался. И она быстро набросала его лошадиную голову как бы небрежными, хлесткими штрихами. Очень похоже... Точно вылитый! И видно, что не нынешний, не простой человек.

Набежали девки, понесли яйца, сдобные пироги. Теперь уперлась художница: нет бумаги... Привели Демидку Махоню, и его она охотно стала рисовать.

Разговорились об оружии, осевшем в селах, подобно илу в реке, после гражданской. Как бы невзначай Павлищев предложил: не пострелять ли?

Вышли за село, установили под горушкой самодельную мишень, начерченную на фанерке. Стреляли из председательского нагана и из мелкокалиберки. Предложили пальнуть гостье.

— Из чего предпочитаете? — спросил Иван Викентьевич.

Она выбрала наган.

— Покажите, что нужно делать.

— Уж будто не знаете!

— Первый раз держу в руке.

Он показал, она выстрелила, торопливо прицелясь. Руку ее высоко подбросило. Ясно, что в белый свет. Поглядели на мишень — в яблочко, в самую сердцевинку! Десять очков...

Павлищев не сдержался, швырнул фанерку на снег.

Девушка подняла фанерку, выдернула спичку из дырки от пули, посмотрела сквозь дыру на свет, смеясь беззаботно и не замечая, что никто ей не верит, а Павлищев видит у нее в кармане зеленых бридж такую же игрушку, как в руке.

— Ну-с, мне пора,— сказал бухгалтер и сухо доложил, что возвращается в город, забирает подводу. Дальше им не по пути.

Она удивилась его тону.

— Что же, и валенки с меня снимете?

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

— Носите покуда. Бог с вами,— ответил он, а ей послышалось: «Покуда бог с вами...»

Под ложечкой у нее неприятно, тягуче защемило, но она сказала:

— Привет Карачаеву.

Иван Викентьевич оскалил желтоватые крупные зубы и откланялся, щелкнув каблуками сапог.

В понедельник Боровых дал ей «виноходца» под мужским седлом и бойкого деда в поводыри. Третьим увязался пожилой фельдшер — до Любишкина. Любишкин — председатель соседнего колхоза, выше по Ульбе.

В последний момент Боровых что-то стал говорить о Любишкине — неприглядное, ругательное. Она слушала вполуха. Все ее мысли были заняты... «виноходцем»!

Местные лошади некрупные и по виду округлые, мягкие, а иноходец попался рослый и костлявый. Дорогую гостью подсадили в седло, и она почувствовала себя точно на гребне крыши. Неловко, страшно и стыдно...

Дед потрусил на своей кобылке передом. Иноходец мотнул головой, едва не выдернув всадницу за повод из седла, и машисто пошел следом. Полетели соколы!

— «Ехали казаки, да чубы по губам...» — смешливо нашептывала она себе стихи из «Улялаевщины».

За околицей ей стало не до смеха. Шагом было еще терпимо. Но хилый, бестелесный дедок норовил непременно пустить рысью. Иноходец удлинял свой мерный страусиный бег, и в седле начиналась пляска святого Витта. Девушку трясло, точно безрессорную тележку на ухабах, беспорядочно молотило о ребристое седло. Локти ее мотались неудержимо, голова тоже, все в животе болталось, сердце вышибало из груди. Глупо и больно до слез.

Не вытерпев, она обеими руками натянула поводья, чтобы чуточку передохнуть. Подлый коняга и ухом не повел. Бежал себе за кобылкой, как жеребенок. Его дергали за повод, и он дергал, только и всего. Силы были неравны.

Она готова была закричать, когда произошло непонятное. Случайно попала она в ритм бега коня — и словно поплыла в седле. Какое немыслимое счастье! Вот она, иноходь... Сказочный конь! Спасибо тебе, голубчик...

Путница обрела способность видеть, слышать и утирать нос. Она стала зябнуть, но глаза не слезились. В горах теплей, чем в степи; мороз жжет, да не палит.

Дорога, нетрудная, торная, вилась меж заснеженных холмов, по широким долинам, всползала на пологие перевалы. В низинах лес рос гуще, чем на скатах. Пурпурные, огненные кисти калины висели над головой, здесь ее было несть числа.

«Яблоню трясут, вишенье обирают, а тебя, бедную, пугливую, самую красивую, заламывают...» — думала девушка с нежностью.

Фельдшер наломал ей калины; ягода была слегка сморщена.

Все было бы в порядке и даже в полном порядке, но дед затеял ехать покороче и повернул на кручу. Всадница испуганно вцепилась в луку седла. Водил-водил суматошный дедок и заплутался. Уперлись в реку, шипящую, белую, с отвесными берегами. Повернули обратно. Кружили, петляли долго — по целине, по глуши, поднимая свой же след.

— Дедушка, пожалуйста, поедем по длинной дороге...

Фельдшер беспокойно озирался. А дедка вскипел, забулькал, точно самовар:

— Что? Дядю Ваню спужались? Нету его! Уехал он!.. Девкам о такую пору под окном сидеть, а не нравничать в пути над старшими. Дорога не кол — к избе не приставишь. Вас слушать — на дороге стоять да дорогу спрашивать! Ишь ты... Туда же... Капрызничать! — И не мог остудиться час битый.

И опять она не усмотрела за его суетой злого умысла, а в его словах о дяде Ване — ничего особенного: старый человек, сам измучился, ну и осерчал.

Между тем сидеть в седле становилось невмоготу. Ноги в паху растерло, надо думать, до живого мяса. Она попробовала сесть бочком и растерла кожу в другом месте. Дедка не сбавлял рыси, погонял, понукал. От боли глаза лезли на лоб.

День потух, едва солнце зашло за лесистый гребень горы. В село въехали шагом, в темноте кромешной, окликая друг друга. Девушка лежала животом на луке седла, бросив поводья, целиком доверясь коню, и потихоньку плакала.

Иноходец остановился. Со всех сторон из ночи несся собачий лай.

— Эй, цела? Начальница!

Она сползла по крупу коня, встала на ломкие, зудящие ноги, нащупала покатые перильца и повалилась боком на ступеньки крыльца. Тотчас вскрикнула в ужасе. Что-то огромное, теплое, шершавое коснулось ее щеки и оглушительно фыркнуло в ухо. Конь... Подошел, потянулся к ней мордой. Она потрепала его по мускулистой шее.

Кто и как ее встречал в избе, не запомнила. Видела все, точно в тумане.

Фельдшер бранился сквозь зубы. Один дедка был весел, болтлив.

— Уморилась? Ноги подсекаются? У кого — с устатку, у кого — с потехи, ей-ей... Не одни фершалы, стало, морят! Ну, не мни лишнего-то: устанешь — пристанешь, вздохнешь — повезешь.

Фельдшер встал перед девушкой, загораживая ее от деда, сунул ей в руки маленькую склянку.

— Что это?

— Берите, берите...

Она пощупала пальцем содержимое склянки и зарделась до ушей. Вазелин!

Это были, однако, цветочки, а ягодки — еще впереди.

Любишкин, видный мужик с красной бородой, точно у турка-мюрида после мытья хной, в малиновых галифе с кавалерийским кантом, надутых, как косые пиратские паруса, встретил гостью из области не молочком — водкой, с утра, спозаранку. И когда та отказалась, состроил постную рожу, обиделся.

— Глядите. Вам видней. Мы, совсибиряки, потребляем... не брезгуем...— Он мигнул желтым совиным глазом.— Сама-то не из кержачек будешь родом? Не обожаю я этих чистоплюев! Леригия у них — ширма...

И гостья не нашлась ему ответить. Обомлела перед красной бородой.

«У Любишкина» ей впервые стало страшно. Здесь жили худо. Опять просяной хлеб, пироги из калины. И тоже словно напоказ.

Яровые еще не обмолотили, уборка шла из-под снега. Дотянули до рождества, потому что зерно, ссыпанное в колхозные закрома, растаскивали кулаки. Чуть ли не еженощно у амбара стрельба. Бандиты подкатывали на лошадях, сбивали замки, грузили осьминными кулями, угоняли неведомо куда. Тек артельный хлебушек, как в прорву.

Вот и мешкали. Дольше — с обмолотом, дольше — с хлебом. По крайней мере не разворуют...

В первый же день девушка столкнулась с человеком удивительной судьбы.

Жил в селе мужичонка лет не более тридцати, а по обличью — за сорок, сирота с малолетства, бобыль неженатый, никому ни на том, ни на этом свете не нужный. Понауличному — Мырзя. Батрачил он за одни харчи с тех пор, как себя помнил. И был до того нищ, до того гол, что образ христианский потерял. Считался недоумком, скотиной мычащей. Юродивые и те мудрей, замысловатей его. Он и сам себя не отличал от дворовой собаки.

И вот записался он в колхоз и нежданно-негаданно, точно по щучьему веленью, получил лачужку, крышу над головой, собственную, получил новый овчинный тулуп и при том тулупе — должность наиважнейшую. Нарядили Мырзю сторожем. Вручили под ответ мирской урожай.

Горбатого могила исправит — Мырзя выпрямился при жизни. В одно лето он помолодел лет на десять. Опрятен был бедняк, как старушка. Обносился до креста нательного, заплатан в три слоя, но всегда умыт, выскоблен, словно пол под престол, и щеки порезаны самодельной бритвой — обломком косы. Прежде ходил с чахлой пегой бороденкой, трепал ее заскорузлыми перстами, горбясь, в ноги глядя. При должности нельзя!

Самое же удивительное — заговорил Мырзя! Да как! Точно запел. Непонятно, откуда забитый, темный взял слова такие — сладостные и праведные, душевные и умственные...

Начал он с того, что пошел по домам своих старых хозяев, у коих сыновья, братья, сваты в лесу. Стал их совестить, улещать, чтобы не рушили они народного добра. Пустил слух, будто и не антихристово это дело — колхоз и не быть концу света, быть началу. Мало сказать обесславил — обезручил кулаков Мырзя своей необыкновенной агитацией. А кончил тем, что в осеннюю ночь выстрелил из винтовки в самого Фомку Докутича, когда тот целовал ломиком амбарный пробой. Просил честью уйти — не послушался Фомка, загоготал просящему в очи непристойно, срамно. Перекрестился Мырзя и уложил на месте молодого атамана. Другие разбежались.

Не остался у стынущего тела и Мырзя. Как записано было в акте, «пал на коня, побежал в правление...» Прибежал с повинной — убил человека!

После той ночи встали у амбара «мырзичи». Но самого Мырзю затаскали по прокурорам кулаки: якобы погубил он Фомку из ревности, подстерег у бабенки, а труп подтащил к амбару и ломик подкинул. Выставили свидетелей — дюжину.

Село лихорадило, народ бродил, как хмельное сусло на свежих дрожжах; бродил — и кисло, и сахарно, и гнило.

Мырзя ходил за присланной из города по пятам; другие — и на людях и с глазу на глаз — избегали с ней говорить. Отмалчивались, отнекивались, отходили, жуя собственный язык, те со смешком, а те и с крестным знамением. Это злило ее и пугало. Мужик любит посетовать, покорить, поплакаться; ей — не жаловались... Мырзя смотрел на нее с надеждой, дивился ее грамотным речам, а ей становилось неловко и стыдно своей бесплодной настойчивости, своего бессилия.

К слову сказать, ее уже знали здесь. Раньше нее самой дошло досюда данное ей прозвище — Крестная... Это за то, что она в дороге окрестила кнутом одного длиннорукого.

В селе знали и то, что она не стала пить с Любишкиным, но странно об этом толковали. Вроде бы лучше было, если б она не застеснялась с ним выпить. Оно проще, понятней...

Девушка сочла, что натолкнулась на лютых святош, изуверов, которые и над собой и над другими «ради» измываться... Мырзя открыл ей глаза.

Любишкин. Вот кто стоял между ней и людьми!

При человеке из области, вообще при догляде, он держался смирно, деловито-озабоченно. Но это личина. Из-под нее торчало нечто страховидное: не то русский торгаш, не то казахский бай, не то аглицкий воротила (на манер прежних Риддеровских), только с партийным билетом.

Обычно Любишкин пил, гулял неделями, носился с малиновым звоном на тройках — с гармонистами, с бабами и в этом занятии тоже ни страха, ни устатка не знал. Пожалуй, он один справил святки не по-христиански, истинно по-язычески, так что земля гудела, горы зыбились, леса качались, а бог Ярила плясал вприсядку.

Держался Любишкин воровской крепью — круговой порукой. Кулаки от него откупались, и сам он покупал людей, иных продавал, как Мырзю. В селе Любишкин был начальством, батюшкой, кормильцем и заступником перед высшим начальством, поскольку оно чем старше, тем хуже.

За глаза его звали Хлюбишкиным, с того веселого часа, когда он под пьяную лавочку, похваляясь, сказал господам собутыльникам:

— В Замоскворечье был молодец-купец Хлынов, в Самаре — Хлудов, в Семипалатинске — Хлопин, а здесь — Ххх-любишкин!

Узнав это, девушка поняла: люди считают, что она и Любишкин одним миром мазаны. С этим «красным» ей захотелось говорить так, как ее учили в области.

— Товарищ Хлюбишкин... Интересно, Карачаев знает о вашем существовании?

— Ему да не знать! Познакомились... Говорят, у него руки до меня не доходят. Дядей Ваней занят! Я для него мелкая сошка.

— Скажите, вы сами считаете себя на своем месте?

Он самодовольно подкрутил ржавое колечко уса.

— Кого же ты поставишь на мое место?

Мырзю, подумала девушка, и он, кажется, понял ее без слов. Скулы у него стали сизыми, как баклажан.

Тогда она «велела» ему созвать собрание.

— За-ачем?— пробасил он голубиным голосом, почти униженно, и девушка возликовала в душе.— Нужно девяносто пудов? Дам девяносто! Лишние разговоры — пустые хлопоты... К тому же нашенские богомольцы женский пол не уважают. Силком не загонишь бородачей. Нешто охота тебе срамиться?

Он просчитался. Народу набилось битком. Дух захватывало, точно в парной бане. И слушали гостью примерно как Мырзю.

Говорила она строгонько, не подлаживаясь под местный говор, не прикидываясь своеченицей всем и всякому. Говорила как доподлинное городское начальство, но не то, что ожидали. Она сказала, что не будет требовать девяносто пудов! И по кустарному делу наперед знает, что ей скажут: понаделали, мол, саней-розвальней, затоварились, обезденежили; не спустим саней — не дадим клепки. Это ребенку понятно. А вот что не понятно: зачем дали в обиду Мырзю. Как позволили заткнуть ему рот?

— Покуда на селе не будет житья Мырзе, никому житья не будет. А будет Мырзя в чести,— все будет: и хлеб, и клепка, и детишкам на молочишко. Не сани — люди у вас затоварены! Совесть мирскую, советские законы по ветру пустили и, можно сказать, сами себя разорили. Маркел Ефимович, встаньте, пожалуйста! Мы на вас посмотрим.— Мырзя встал, привычно подтягивая драные порты, и никто не хихикнул.— Поняли вы меня, товарищи крестьяне?

Как не понять! Не зря бают: дитятко — за ручку, матку — за сердечко...

Выходит дело: прав «душегуб» Мырзя. На Хлюбишкине свет клином не сошелся!

Приезжая не упоминала председателя, но все смотрели на него — это в его огород, ему в самое темечко. Еще смотрели на родичей Фомки Докутича,— они в полном сборе в первом ряду; сгрудились, обнесли президиум, точно скит, столбовым тыном. Не убоялась девка ни тех, ни сих. Стало быть, за ней — первая сила, государыня власть!

Мырзя стоял, шмыгая носом и сияя, как серебряный рубль, утирая черной ладонью не то пот, не то слезу. И то и другое соленая водица, нищая роса, но иная водица железо прогрызает.

Поднялся Любишкин и стал баять, обрисовывать, какой он был и есть красный партизан, и грозить, что он не позволит. Его выслушали, не перебивая, и забыли про него. Насыпались с вопросами на командированную, словно хотели наверстать упущенное и изголодались по вполне понятному, человечьему и неслыханному от других слову. Заставили и Мырзю «сказать», чтобы она послушала, так ли. Она ответила: так!

Ночевать ее определили поблизости от правления. Сунув руки в карманы пальто, подняв кожаный воротник, она шла по скрипучей снежной стезе, устало вдыхая сладостно-жгучий, щиплющий ноздри воздух. Ночь лунная, белая, как на далеком севере. Над головой и под ногами искрятся звезды. Только тени непроглядные, как ямы-провалы.

Она обходила сугроб, когда около ее уха, басисто визжа, пролетела тяжелая, тупорылая пуля-жакан. С противоположной, затененной стороны улицы донесся слабый хлопок выстрела. Там, у сарайчика, стоял парень в нагольном полушубке с охотничьим ружьем в руках; дуло чуть дымилось.

— Вы что же это балуете по ночам?—

вскрикнула она.— Так недолго и в человека угодить!

Парень, ни слова не сказав, неслышно отступил в тень и растаял в ней.

— Что за чудак! Безобразие! — рассердилась она.

И тотчас из-за ее спины выскочил Любишкин.

— Что такое? Кто шумел? Семка, подлец, конечно! У нас это бывает. Темка у него знатную невесту отбил. Вот ее и стращает. Обознался, дурья голова...

Подбежал фельдшер. Руки, губы у него тряслись.

— Вы не ранены? Хвала создателю! Милая вы моя... Славный вы человек...

Она улыбнулась его виноватому, жалобному виду.

Лишь много позднее она задумалась над тем, почему ее не провожали в такую позднюю пору с собрания: ни одного не нашлось попутчика как нарочно. Пугали ее в ту ночь или стрелок промахнулся? Семка... Темка... Кто их разберет! Тогда ей было не до них! Тогда ее больше занимало, что станется с Мырзей.

Спала она крепко, без сновидений. Наутро раздумалась и решила, что зашла достаточно далеко, чтобы не пятиться. Обидно было возвращаться с двух третей пути. И раз Любишкин плакался, значит, она тут не лишняя! Хотелось ей еще в одно село, в горы повыше, к небу поближе. Очень хотелось уехать подальше, чтобы Карачаев догонял ее подольше и обозлился бы покрепче. Втайне она не расставалась с ним с первой встречи, и ей нужна была его злость, только злость, больше ничего...

Дед-путаник провожать ее отказался наотрез. Отстал и добряк фельдшер. Но дорога была прямая, дорога одна...

Девушка вновь с мнимо-веселым смешком взгромоздилась на иноходца, поправила рюкзак за спиной и пустилась в путь неблизкий на свой страх и риск. Ее не отговаривали. Подстегнули коня, чтобы бойчей ходил. С тем и расстались.

Правду говоря, расстались не сразу. Иноходец пошел по селу кругами, с одной стороны улицы на другую, от пятых ворот к десятым, не слушаясь ни повода, ни гибкой лозины, данной путнице вершить и править. За дедовой кобылкой конь бежал охотно, а один из села не шел. Без компании скучно. Сельские ребятишки с гомоном и гомозом погнали его вроде бы к околице, а на самом деле — куда выйдет. В окнах раздвигались занавески. На крылечках стояли бабы, сложив руки под грудью, зажимая ладонями губы.

Подоспел Мырзя и проводил всадницу до края села, шепотом понукая коня.

Ее насмешило его усердие.

— Лошадь слепая повезет, если на возу зрячий,— так что ли, Маркел Ефимыч?

— Убьють меня теперя,— сказал Мырзя.

Она перестала смеяться.

— Сегодня же напишите заявление и отдайте секретарю.— Имелось в виду заявление о вступлении в партию.

Больше ей нечем было его укрепить. Она не могла предвидеть, к чему приведет ее совет.

Когда Мырзя ушел, иноходец глянул ему вслед, свернул с дороги, забрался в чей-то огород и затоптался на месте, игриво мотая головой и помахивая хвостом.

Девушка застонала от досады. «Что же мне, ночевать здесь?» Бросила ненужную лозину, взяла покороче повод и по случайному наитию сжала коленками и пятками бока иноходца. О, чудо!.. Конь присел на задние ноги и, мигом перемахнув через провисшую жердину изгороди, ходко побежал по дороге.

Девушка вспомнила совет Мырзи: «А вы пришпорьте, пришпорьте-ка...»

— Ах, та-ак! — вскрикнула она и забарабанила пятками, ухватившись за луку седла. Конь покосился на нее карим глазом, фыркнул доброжелательно.— Понравилось? Черт! Я тебя изобью сейчас!..— сказала девушка, вытаскивая из кармана носовой платок: у нее был насморк.

Дальше поехали резвей. Девушка сморкалась в платочек протяжно, трубно, так что уши закладывало. Конь оглядывался вопросительно.

Вскоре она открыла еще одну любопытную его повадку: внезапно он замедлял шаг, и, навострив уши, останавливался. Это означало, что через минуту из-за поворота появится встречный. Казалось, иноходец предупреждал седока и подстерегал встречного. Девушка сперва испугалась, потом поняла: степная казахская привычка... В пути как не обмолвиться словцом! Надобно обменяться новостями. Затем конь и останавливался.

Она все же опасалась, как бы он не повернул следом за встречным... И загодя принималась пинать его пятками в бока.

Ее окликали изумленно:

— Эй! Далеко ли собралась? Парень ты или девка? Из чьих будешь? Отзовись!

— Я Крестная! Кореневых... К бандитам пошла, на побывку! — отзывалась она и лихо привставала в укороченных по ноге стременах, маленькая, складная, словно выросшая с детства в седле.

Кореневых — это по-сибирски. Знай наших! Поминай своих! Вашего не пили, на своих шатаемся...

Конь нес ее все выше, к большому седловидному бесснежному перевалу.

Неподалеку от перевала, в темной каменистой лощине, изогнутой в виде подковы, иноходец повернул голову в сторону пихтового леса, черневшего вдали под горой, сошел с дороги и осторожно зашагал по целине, меж острых камней, к лесу.

— Куда ты, милый? Куда?— спросила девушка, растерянно опуская поводья.

Конь посмотрел на нее, потом на лес и коротко заржал. Разве тебе не нужно туда? Нет, конечно, тебе не нужно... Он остановился и повернул назад, к дороге. А уши его были наставлены в сторону леса.

— Что там такое? Там кто-нибудь есть?— шепотом спросила она.

Конь оглянулся на лес и фыркнул.

— Никого там нет...— громко сказала она. Но кровь отлила от ее щек, сердце обмерло.

Меж пихтовых лап на опушке ей мерещились дюжие бородатые всадники, похожие на Докутичей, которые ели ее глазами на собрании прошлой ночью. Это излюбленный кулацкий обычай — подстеречь после собрания, в дороге, одного вдесятером.

— Эй! Вы! — крикнула путница, с дрожью глядя через плечо, и видение на опушке исчезло в слабом морозном блеске камней.

— Ы! Ы! Ы! — гулко и грубо крикнуло эхо ей в спину. Она испуганно приникла щекой к гриве коня.

Лощина была пуста и темна. Серые, сизые, сиреневые скалы светились словно изнутри. Пихтач вдали аспидно чернел, как зев пропасти. Ни человека, ни горного козла, ни птицы... Дорога гола, точно обглоданная дымчато-белая кость; на ней не остается следа.

Девушка прижала холодный скомканный платочек к опухшему, натертому докрасна носу. Пока что она на коне. Вот, случись, падет иноходец, тогда она пропала. А если волки, как в тот раз в степи? Они водятся и в горах. Вынесет ли ее конь? Удержится ли она в седле?

Зябко поведя плечами, она представила себе, как валится со спины коня, кричит, волки набрасываются на нее, конь бьет их копытами, волки повисают у него на горле, неведомо откуда подлетает верхом Карачаев, свист, стрельба, волки врассыпную, и он поднимает ее с земли, немой от радости и вины перед ней. Представила и... грустно, стыдливо усмехнулась: «О чем я думаю?»

Перед ее глазами встал Мырзя, в заплатанном, тощем армячке, подпоясанном веревкой. Да, может, очень может быть, что его «убьють теперя». Вот кто остался один — лицом к лицу с красной бородой и Докутичами. Приезжая его бросила, словно ей было недосуг разделить с ним опасность. Разворотила осиное гнездо, подставила под удар — и ходу!

Недаром Павлищев умыл руки, хитрец. Он не заикнулся про Хлюбишкина.

«Неужели убьют? Уже убили?..» — подумала она, шмыгая мокрым носом.

Окончание следует.

←
Лев Владимирович Кольцов показывает Борису Георгиевичу Петерсу свою удивительную находку. Этот снимок сделан в знаменательный для молодого ученого день — он только что защитил кандидатскую диссертацию.

Археологические новеллы

Марк БАРИНОВ

А ТАЙНА ВОЗНИКАЕТ ВНОВЬ...

За столами сидят люди, и каждый увлеченно трудится над каким-нибудь обгорелым куском глины или истлевшим браслетом. Это археологи, недавно вернувшиеся из экспедиций, а то, что они сейчас делают, называется обработкой материалов.

Лаборатории Института археологии Академии наук СССР заставлены досками, стеллажами, шкафами с разложенными на них горами черепков посуды, кусочков бронзы и железа. И стоило мне задать вопрос о каждом из них: «Что это?» — в ответ я слышал увлекательные истории.

О ЧЕРНОМ КАМНЕ

Отряд археологов, которым руководил Лев Владимирович Кольцов, работал в районе Углича. Однажды вечером Лев с товарищем шли вдоль реки пустынными, нехожеными местами. Шли долго, по лесным тропам, обрывистым берегам, вдалеке от селений. Наступил вечер, надо было подумать об отдыхе. Путь археологам пересек ручей, впадавший в этом месте в Волгу. Кольцов остановился. Мысок, образованный ручьем и рекой, обрывистый берег за спиной, недалекий лес, заходящее солнце внезапно породили ясное и четкое ощущение: здесь! Именно здесь они должны остановиться, в этом месте, излучающем мир, покой, красоту.

Умело, быстро раскинули друзья палатку, натаскали хвороста, раскрыли мешок с продуктами. Свершилось все, о чем мечтал Лев: костер, палатка, ночной шелест волн на берегу.

А утром, спустившись помыться к реке, Кольцов внезапно увидел в песчаном отвале обрывистого берега нуклеус — кремневую заготовку, от которой древний человек отщеплял наконечники для стрел и копий, будущие ножи и рубила. Нуклеус — верный след стоянки!

Уже через два часа раскопок стало ясно, что перед ними стоянка мезолитического человека. Значит, не только им одним пришла в голову мысль устроить привал в этом чудесном месте. Волнение охватило Кольцова. Это совпадение, вовсе не бывшее совпадением, это сходство мыслей и впечатлений между ним, современным человеком, и тем, жившим шесть-семь тысячелетий назад, поразило Льва. И во много раз усилилось это чувство, когда через несколько часов они обнаружили второй слой: под мезолитической стоянкой была еще одна — палеолитическая. Значит, и четырнадцать тысяч лет тому назад именно это место выбрал себе человек! Значит, далекие люди так же, как и он, выбирали места для стоянок, так же, как и он, любовались рекой, горами, лесом, закатом.

Впрочем, полно, так ли уж любовались? Охота, рыболовство, тяжелая борьба за существование — было ли им время любоваться природой? Лев думал об этом, сидя на валуне возле палатки, глядя на реку, на лес. Работы кончились, товарищ готовил ужин, снова клонилось к закату солнце.

Размышляя, Кольцов машинально ковырял землю лопатой. Вдруг лопата ударилась обо что-то твердое. Кольцов с силой ковырнул еще раз и выбросил на траву круглый черный камень. Вряд ли человек любой другой профессии обратил бы на него внимание — камень и камень... Но Лев увидел. Он соскочил с валуна, опустился на колени, осторожно взял камень в руки, обтер его рукавом. Потом быстро сбежал к ручью, обмыл камень в воде. Сомнений не было, теперь он увидел ясно. Острым инструментом, очевидно, кремневым резцом, на камне была изображена целая картина. Берег реки, шалаш, лодка. И с пронзительной ясностью представил себе Лев человека, который четырнадцать тысяч лет тому назад, точно так же как и он, сидел на этом самом валуне, смотрел вокруг,— на реку, лодку, на свой шалаш, стоявший на месте их палатки, любовался ширью и красотой, и вот буквально на тысячелетия запечатлел свои мысли и чувства на этом черном камне.

— Нет даже костей — истлело все, а душа его, мысль его вот она,— сказал Лев, протягивая мне этот камень.— Тот, кто рисовал на нем сто сорок веков тому назад, жил, чувствовал, любил. И он заслужил, чтобы мы искали его следы, изучали их, рассказывали о нем людям.

ЗАГАДКИ МЕРТВОЙ КРЕПОСТИ

Шум боя свободно проникал сквозь раскрытые двери дома. Были слышны громкие команды, крики раненых, рев пламени над горящими постройками. Это был штурм, который уж за последние дни!

Хозяйка дома молча занималась своим делом. Она не спеша разложила кашу по глиняным мискам, затем в другие, такие же миски насыпала сливы, положила грозди винограда. Поставила кувшин вина, сняла с полки чаши из обожженной глины. Все будет так, как хотят боги. И если этот штурм будет отбит, воины захотят есть. Она взглянула на глиняную статуэтку Геракла с дубиной на плече, висевшую над очагом, прошептала привычные слова молитвы. Муж и сыновья были там, на толстых стенах, среди защитников крепости. Они делали свое дело, она — свое.

Внезапно к привычному шуму боя присоединился новый звук — мерные тяжелые глухие удары, от которых вздрагивали кувшины на полке, позвякивали чашки и миски. Это было что-то непонятное, тревожное.

Женщина вышла из дому на узенькую крепостную улочку, похожую на щель между домами: земля в акрополе была очень дорога, ее рассчитывали по пядям. Что-то новое ощущалось вокруг, новое и грозное. В воздухе летали куски пламени — зажигательные снаряды, которыми враги засыпали крепость. Воины на стенах перебегали с места на место, падали, кричали, натягивали луки, но во всех их движениях женщина читала уже не решимость и стойкость, а отчаяние. Удары разносились громко и отчетливо. Вспыхнула крыша ее собственного дома, но женщина не видела этого. Как завороженная, смотрела она туда, где вдруг заколебалась крепостная стена, заклубилась белая легкая пыль и со страшным грохотом стали рушиться огромные глыбы, увлекая за собой воинов, давя и кромсая их. В пролом заглянуло огромное тупое рыло стенобитной машины, и сразу же с криками, визгом, грохотом хлынула в крепость толпа страшных, непохожих на людей воинов, размахивающих мечами и копьями. За спиной женщины с треском рухнула крыша ее дома, в котором был приготовлен обед для тех, кого уже не было в живых.

Несколько дней после падения крепости над ней полыхал огонь. Стены были разрушены. Жители перебиты или уведены в рабство. И совсем немного времени спустя никто бы не поверил, глядя на этот обгорелый холм, покрытый закопченными камнями, что здесь кипела жизнь, строились дома, процветала торговля, рождались дети, возносились молитвы. Мертвую, выжженную пустыню сменила в этом месте жесткая степная трава, и потянулись долгие столетия.

...От Керчи до Феодосии проложено удобное асфальтированное шоссе. Оно взбегает на холмы, опускается в низины. Проносятся автомобили, проезжают повозки, идут запыленные туристы. Люди спешат по своим делам, у каждого своя забота, и они равнодушным взглядом окидывают степь и холмы вокруг. Но вот одна машина остановилась, из нее вышел человек. Среднего роста, плотный, черноволосый. Он долго стоял на обочине дороги и смотрел на один из холмов, возвышающийся над руслом пересыхающей речки. Привычным взглядом он заметил расположение холма: невдалеке от этого места большое село Михайловка, с другой стороны, на шоссе,— километровый столб, и на нем цифра «20». Почему остановилась здесь машина, и что увидел на холме этот человек? Математик, строитель, моряк, колхозник — все они проехали бы мимо, не обратив внимания на холм. Но Борис Георгиевич Петерс — археолог. Каменные глыбы, торчащие из земли, очень напоминали ему остатки крепостных стен. Он поднялся на холм и уже через несколько минут понял, что не ошибся. Радость важного открытия омрачалась тем, что надо было покидать Крым. Была осень — время возвращения экспедиций; их ждала Москва, обработка собранных материалов, и Борис Георгиевич скрепя сердце покинул холм.

А в отчете экспедиции появилось название нового объекта исследований — «Михайловское городище».

Весной 1965 года Петерс со своими сотрудниками выехал к месту находки. Ему не терпелось начать работы, и вместо обычного мая экспедиция прибыла в Крым в холодном, ветреном марте.

И вот вынуты первые десятки кубометров грунта, сделаны первые находки, возникают первые вопросы, загадки.

Акрополь, городское укрепление, представляет собой почти правильный прямоугольник — двадцать пять на двадцать метров. Попутно Борис Георгиевич делает интересное открытие: стены крепости слоеные; за первым каменным панцирем стены идет забутованная глиной и мелким камнем прослойка. За ней следует второй — внутренний панцирь. Для чего это? Ученый делает предположение: стена построена по принципу нашей современной многослойной брони. Удар стенобитной машины амортизируется глиняной прослойкой, которая предохраняет внутренний панцирь и таким образом усиливает стену. И однако вскоре Петерс убеждается, что крепость все же пала в бою. Стены проломаны, разрушены умышленно. Кем? Почему? Загадка номер один.

А когда начались раскопки внутри акрополя, Борис Георгиевич понял, какая ему выпала редкая удача. Он нашел археологический комплекс, законсервированный мгновенно — в один или в течение нескольких дней. Чтобы понять, что это значит, вспомним Помпею. Был город, жил своей жизнью и вдруг мгновенно, в один день, был накрыт пеплом, законсервирован, словно некий археологический заповедник. И теперь не отдельные предметы быта, не разрозненные остатки древней жизни, а целый комплекс материальных свидетельств к услугам археологов. Нечто подобное встретил и Борис Георгиевич Петерс. Так возникает исторический парадокс: катастрофа, происшедшая в древности, оборачивается удачей для современной археологии. На раскопках в Михайловском городище ученые нашли два сестерция Савромата I и дупондий Рискупорида II — все три монеты относятся к концу I века нашей эры. Раскопки шли дальше, и постепенно перед учеными вставала картина трагедии, разразившейся над маленькой крепостью около двух тысяч лет назад. Археологи обнаружили и развалины небольшого домика, в котором нашли черепки посуды с остатками еды и фруктов. Они восстановили посуду, восстановили расположение ее в комнате, нашли почти не поврежденную статуэтку Геракла с дубиной на плече. Так возникла картина последнего дня защитников крепости.

Вот так был сервирован стол почти две тысячи лет назад в тот самый роковой день, когда пала древняя крепость. Черные шарики в миске когда-то были душистым виноградом.

Фото А. Гостева.

Работы ведутся дальше, и Борис Георгиевич вопреки традиции закладывает новый раскоп не в пределах акрополя, а за его стенами. И что же? Обнаруживает новое, еще более древнее поселение. Остатки жилищ, остатки еще более древних крепостных стен. Значит, найденное городище возникло на месте другого, разрушенного, более древнего. Что это был за город? Кто его жители? Кто его разрушил?

Археологи копают за стенами только что открытого второго поселения и... находят третье, самое древнее, самое первое городище. И снова тайна, вопросы, загадки...

Мы сидим с Борисом Георгиевичем в его кабинете в институте и разговариваем о его находке. И в этот момент распахивается дверь и вбегает взволнованная сотрудница. Она прямо из лаборатории. Только что, сейчас, почти на моих глазах сделано открытие. Возникла новая загадка. Вернувшись осенью из экспедиции, Петерс в числе других находок на городище привез странный черный обломок. И вот, обработав его в лаборатории, очистив от окаменелой грязи и окалины, ученые обнаружили, что это обломок головы бронзовой статуи. Бронзовая статуя из Михайловского городища! Это уже сенсация в институте. Друзья поздравляют Бориса Георгиевича. И снова десятки вопросов возникают перед ученым. Что за статуя? Как попала в крепость? Кто изображен? Кто изваял? Осталось ли еще что-нибудь, кроме этого небольшого обломка?

И ВРАГ ОТСТУПАЕТ

«Обнаружено», «установлено»... Эти два слова, часто употребляются в сообщениях об археологических находках.

В прошлом году известный археолог, доктор исторических наук Отто Николаевич Бадер обнаружил неподалеку от Владимира, на ручье Сунгирь, захоронение нашего предка и земляка, жившего около тридцати тысячелетий тому назад. Находка всколыхнула мир. Нигде никогда еще не находили таких богатых, интересных захоронений человека каменного века. Бадер и его коллеги нашли множество предметов из кости и камня; костюм (он, разумеется, не сохранился) Сунгирьца — как его назвали — был украшен тремя с половиной тысячами бус!

В сорок втором номере нашего журнала за 1964 год была небольшая заметка, рассказывающая об этой находке.

Итак, находка обнаружена, и что же дальше?

Настоящее открытие состоялось уже не в поле, а в стенах институтов Академии наук СССР.

Первым включился в исследование находки на Сунгире геолог профессор Громов. Год напряженной работы позволил установить возраст стоянки и некоторые особенности климата и природы того периода.

Одновременно с этим палеоботаник Института археологии Лисицина, вслед за нею академик В. Н. Сукачев исследовали пыльцу цветов деревьев, сохранившуюся в культурном слое.

Профессор Чердынцев в Институте геологии провел измерение возраста стоянки физическим методом исследования радиоуглерода. Анализ дал солидное расхождение с датировкой, которую предложили археологи и геологи. В чем дело? Очень просто: открытие идет через десятки и сотни ошибок, ложных ходов, отвергнутых вариантов.

Работники Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР произвели исследование следов костюма по расположению бус, обрамлявших его от плеч до обуви, реконструировали костюм.

Антропологи во главе с профессором Дебецом с огромным интересом изучали череп, кости скелета Сунгирьца. И, наконец, доктор исторических наук М. М. Герасимов получил череп Сунгирьца, чтобы воссоздать облик нашего древнейшего предка.

Ленинградская лаборатория профессора Семенова провела, так сказать, техническое исследование орудий Сунгирьца для определения уровня технических возможностей человека той эпохи. Было установлено, что для обработки каждой из трех с половиной тысяч бусин из бивней мамонта требовалось от получаса до часа рабочего времени (отделка, сверление ручными сверлами и т. п.). Помножьте это время на количество бусин, и вы поймете, какое сокровище с точки зрения затраченного труда украшало Сунгирьца.

Так что же установлено?

Отто Николаевич Бадер осторожно, как и подобает настоящему ученому, говорит, что кое-какие выводы уже можно сделать.

Около тридцати тысяч лет тому назад там, где расположены наши Владимирская и Московская области, был суровый, холодный климат. Леса сменялись степями, очень похожими на тундры. Пыльца, пролежавшая в земле тридцать тысяч лет, рассказала нам, что в ту далекую эпоху вдоль ручья Сунгирь росли березы и ели.

Оказалось, что наши предки носили удобные меховые костюмы — именно костюмы, состоящие из куртки, надеваемой через голову, и цельносшитых брюк-сапог. Они искусно украшали свои костюмы костяными бусами.

Внешне они почти ничем не отличались от нас, и вскоре мы сможем увидеть скульптурный портрет Сунгирьца, реконструированный М. М. Герасимовым.

Люди, населявшие наши края, имели связи с племенами, жившими в Европе: в Венгрии и Чехословакии ученые находят доказательства культурной связи тех племен с нашими земляками.

Исследования сунгирьской находки продолжаются. Десятки людей разных специальностей ведут планомерную осаду врага, имя которого — неизвестность. И враг отступает.

Я слушал Отто Николаевича, и передо мной вставал тот поистине огромный и сложный путь, который еще пройдут ученые, прежде чем мы, журналисты, сможем написать рядом эти два слова: «Обнаружено», «установлено».

Блокноты из Ганы

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька».

Фото автора.

Завещание доктора Дюбуа

Февраль 1959 года в Москве был сырым и слякотным, по улицам гулял холодный, пронизывающий ветер. В номере гостиницы «Националь» передо мной сидел старый человек в накинутом на плечи, поверх костюма, теплом халате и говорил об Африке. Годы — ему шел десятый десяток — затаились в морщинах лица, высеребрили его мушкетерские усы и бородку, ослабили тело. Ему было трудно долго сидеть. Тогда он опускался на диван и, полулежа, облокотясь на подушку, продолжал говорить.

Это был доктор Уильям Дюбуа.

Американское правительство лишь незадолго до этого разрешило выдать всемирно известному ученому заграничный паспорт. Многие годы государственные границы отгораживали от него весь белый свет. Официальная Америка считала преступлением его деятельность в защиту мира.

Уильям Дюбуа согласился дать интервью советскому журналисту. Встреч было несколько. Назначая очередную, он брал со стола тетрадь-дневник, где на неделю вперед были расписаны все дела — в Москве их было много,— помечал в нем что-то и, касаясь сухими, старческими пальцами бородки, произносил:

— Ну вот, теперь приходите в четверг. В два. До без четверти трех.

И нельзя было ни опоздать, ни прийти минутой раньше. Потому что каждая минута Дюбуа, несмотря на возраст, была отдана труду, посвящена ему заранее.

Удивительное ощущение появлялось в обществе этого человека. От него словно исходила какая-то спокойная, знающая все мудрость. А жизнь его была беспокойной, особенно в последние годы, и всегда полной исканий.

Во время той встречи Дюбуа говорил о страницах своей жизни, которые были связаны с Африкой, размышлял над судьбами этого континента.

— Я не помню точно, когда у меня проснулся интерес к Африке,— сказал он.— Но, раз появившись, он не оставлял меня больше. Еще давно я решил опровергнуть утверждение, что Африка— это континент без истории. У нее есть своя история и свое предназначение.

Интерес этот был естественным. В его жилах текла кровь африканца, вывезенного в рабство в Америку. Дюбуа стал одним из первых ученых на Западе, кто задумался над будущим Африки и стал работать во имя его. И не только своим пером.

В 1919 году дипломатическая жизнь в Париже кипела ключом. Державы-победительницы решали судьбы послевоенного мира, перекраивали карту Европы, делили колониальное наследство побежденных. В круговороте дипломатических встреч, блестящих светских раутов, газетных сенсаций не все обратили внимание на то, что в одном из отелей Парижа должен состояться Панафриканский конгресс, который организует американский негр Уильям Дюбуа. Но в правительствах США и Англии это не осталось незамеченным. США не разрешили выехать на конгресс американским неграм, отказал в визах его участникам и Лондон. Конгресс все-таки состоялся. На нем присутствовали 57 человек, из них лишь двенадцать африканцев. И тогда впервые от лица Африки прозвучали слова о том, что африканцы не хотят жить рабами колониальных хозяев.

Уильям Дюбуа был организатором и участником всех панафриканских конгрессов — предвестников мощного освободительного движения. На V Панафриканском конгрессе, который проходил в Англии в 1945 году, были приняты две декларации, в них провозглашалась решимость колоний добиться свободы. Автором первой был Уильям Дюбуа, вторую написал Кваме Нкрума, будущий президент Ганы.

К 1959 году лишь две страны в «черной» Африке — Гана и Гвинея — освободились от колониальной зависимости, еще лилась кровь в Алжире, еще в министерствах колоний на Западе обсуждался вопрос, как сохранить свои владения. Уильям Дюбуа говорил тогда:

— У этого континента великое будущее. Великое и прекрасное. Ему по пути с вашей страной. Я уверен, что свободная Африка и Советский Союз будут друзьями.

Еще он говорил так:

— Путь Африки к своему счастью не будет легким. У нее остаются враги — те, чье иго она несет на себе. Но она вернет себе свободу и человеческое достоинство. Для этого африканцы должны быть готовы к самопожертвованию и труду.

...Возвращаясь к себе по зимней Москве, я еще не знал, что мне предстоит увидеть Африку и постоять рядом с могилой Уильяма Дюбуа. Его жизнь прервалась в Гане, в разгар работы над многотомной «Африканской энциклопедией». Последние его дела и мысли были посвящены Африке. В одной из книг, вышедших незадолго до его смерти, Дюбуа писал: «Африка уже не может выбирать между капитализмом и социализмом... В наше время нельзя выбирать между социализмом и капитализмом, потому что капиталистическая форма собственности обречена на гибель».

Уильям Дюбуа похоронен на побережье Атлантического океана. Откуда-то из этих мест два с лишним столетия назад увезли в рабство его прадеда. До могилы Дюбуа доносится рокот прибоя. Прибой словно повторяет залпы прощального салюта, под который опускали тело Дюбуа в африканскую землю, повторяет их неустанно и вечно.

После похорон было вскрыто обращение доктора Дюбуа к людям, живущим на земле. В нем есть такие слова: «Я завещаю вам лишь одно. Живя, верьте в жизнь! Люди будут всегда существовать и всегда идти вперед, к более величественной, широкой и полной жизни».

Мисс Дженни, плитка шоколада и новый порт

В блокноте, где я делал записи во время первой поездки по Гане в 1961 году, есть такие слова: «Мисс Дженни. Шоколад».

Мисс Дженни была курноса, смешлива, говорлива, как лесной ручеек, и совсем юна. Ей шла шестнадцатая весна — если можно говорить о веснах в стране вечного лета. Одним словом, она была очень приятной попутчицей. Ее дали мне в помощь гостеприимные хозяева из министерства информации, когда я отправился в Тему, новый город и порт Ганы.

Дженни обожала сладкое. Перед тем, как мы отправились в путь, она забежала в лавочку, купила там самую большую плитку шоколада и, усевшись в машину, тотчас с хрустом разодрала красивую обертку с золотыми буквами. На обертке была английская марка. И всю дорогу Дженни не переставая грызла шоколад, что, впрочем, не мешало ей справляться с обязанностями гида.

— А вы знаете, что еще два года назад на месте Темы была рыбацкая деревня? — как горох, сыпала она.— А вы знаете, что значит слово «тема»? На языке племени га это значит «тыква». Здесь раньше делали калебасы. А вы знаете, что порт Тема будет самым крупным в Западной Африке?..

Дорога из Аккры в Тему идет вдоль побережья Гвинейского залива. Справа синел океан, окаймленный широкой желтой полосой песка. В прибрежных кокосовых рощицах сохли выдолбленные из целого ствола рыбачьи лодки. Было идиллически спокойно, красиво и пустынно.

И вдруг мы словно попали в другой мир. Кругом лежала вздыбленная красная земля. Урчали бульдозеры. Сновали, торопясь куда-то, люди. Берег был закован в серый бетон, бетонные причалы уходили в океан, над водой поднимали ажурные шеи краны. В порту стоял один-единственный корабль. Порт еще не был открыт, Тема была накануне своего рождения.

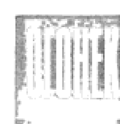
Дженни выскочила из машины, бросила на землю скомканную обертку от шоколада. Ветер подхватил ее и понес в океан.

— Пойдемте туда,— сказала она и протянула руку в сторону большого здания, стоявшего неподалеку.— Там вам расскажут о Теме.

...Недавно я вспомнил об этой беседе в управлении порта Темы. Тогда речь шла о планах. Теперь я ходил по территории порта и въявь видел то, о чем мне говорили в 1961 году в будущем времени. У причалов стоял добрый десяток кораблей — Тема стала главными морскими воротами страны. Вырос город. Поднялись вокруг корпуса новых промышленных предприятий — их сейчас в Теме двадцать семь. И сама дорога из Аккры в Тему на этот раз не показалась мне такой пустынной. Справа был все тот же океан и знакомые пальмы, а слева стройно в ряд стояли башни электропередачи. Линия шла от Акосомбо, гидростанции на реке Вольте, через Тему к Аккре.

Но земля в Теме еще не успокоилась, люди по-прежнему тревожат ее. Тема продолжает строиться.

— ...Двадцать тысяч банок консервов в сутки — это раз.— Николай Иванович Власов загнул на руке один палец.— Шесть тонн копченой рыбы, тоже в сутки,— это два.— Он загнул второй палец.— Тонна кулинарных изделий — это три.—Николай Иванович показал мне три загнутых паль-

Школьницы.

На переправе.

Рыбаки из Темы.

Будет день!

Рекламируют советские автомобили.

ца.— Вот что такое наш рыбокомбинат.

«Тау-бо-ейl» — в переводе на русский значит приблизительно «Эх, дубинушка, ухнем!». Под этот возглас рыбаки Ганы сталкивают свои долбленые лодки в воду и проводят их через полосу прибоя. Из далеких времен пришел в сегодня этот возглас, как и само занятие рыболовством. И из поколения в поколение переходили традиционные способы ловли. Но теперь реже звучит задорное «Тау-бо-ейl» над океанскими водами.

В Гане есть сейчас выражение «русская рыба». Советские рыбаки помогли ганцам освоить новые методы добычи рыбы. В ганском рыболовном флоте есть теперь траулеры и рефрижераторы. И богаче стали уловы.

Для обработки рыбы строится большой комбинат — тоже с советской помощью. Мы сидим вместе с Николаем Ивановичем в маленьком кафе, из окна которого видна строительная площадка, за бутылкой пива (ганского!), и я старательно записываю в блокнот цифры, которые мой собеседник помнит наизусть; его должность — главный эксперт на строительстве.

В моем блокноте уже много записей о советских специалистах в Гане и их делах. Но об этом еще будет речь. А сейчас вернемся к шоколаду, который так любит мисс Дженни.

Каждая третья плитка шоколада в мире сделана из какао, которое выращено ганскими фермерами. Гана — идеальное место для шоколадных деревьев. По производству какао-бобов она занимает первое место в мире. Но с 1879 года, когда в стране стали выращивать какао, Гана не произвела ни одного грамма шоколада. Весь урожай попадал еще в Гане к оптовым иностранным компаниям. Цены на какао устанавливались на биржах Лондона и Нью-Йорка. А сюда шоколад привозили из Европы.

Свободная Гана взяла в свои руки операции с какао. Государство само стало вести торговлю с иностранными оптовиками. Одновременно в стране приступили к созданию своих шоколадных фабрик. Самая мощная из них уже сооружена в Теме.

Какао-бобы по сей день остаются для Ганы главной «валютной» культурой. Этими маленькими коричневыми бобами во многом оплачен индустриальный прогресс страны. Но не так-то просто дается этот прогресс.

В прошлом году над причалами Темы поднимался горький дым: жгли какао. Это была демонстрация протеста против политики капиталистических монополий Запада, которые сумели резко сбить цену на какао-бобы на мировых рынках. Тонна какао стала стоить вдвое дешевле, чем несколько лет тому назад. Из-за этого, несмотря на рекордные урожаи, Гана терпит большие убытки. Но дело заключается не только в обычном стремлении Запада нажиться за счет Африки. За историей с какао нетрудно рассмотреть наступление империализма на молодую независимую страну.

В Гане говорят о социализме как о цели, стоящей перед народом. Выдвинут лозунг быстрой индустриализации как средства преодолеть вековую отсталость и укрепить независимость. И это не только лозунг. Он уже воплощен в десятки различных дел по всей территории страны. Но путь, на который вступила Гана, нелегок.

На Западе сейчас много пишут о трудностях в экономике Ганы. Да, не все товары есть в изобилии. Да, нужно много усилий, чтобы обеспечить страну продовольствием: ведь Гана была превращена колонизаторами в шоколадную плантацию и многие продукты до сих пор надо ввозить за валюту. Но вот что говорит президент Ганы Кваме Нкрума: «Неужели кто-нибудь всерьез воображает, что мы не знаем цены того, к чему стремимся, и что мы не готовы затянуть пояса и принести жертвы за то, чего мы достигли и собираемся достичь?»

...В последнюю поездку я не встретился с Дженни. Но за нее я спокоен. Гана теперь производит свой шоколад. На плитках в красивой обертке написано: «Золотое дерево».

Вождь говорит: «Да»

Зато в Аккре я разыскал Аллоти. Мы обнялись, долго хлопали друг друга по плечу и задавали один другому классические вопросы: «Ну как ты?», «Что нового?» и т. п. Каждый получил ответы позже, когда удалось поговорить ладом, в спокойной обстановке.

С Аллоти я познакомился в Советском Союзе. Работник организации юных пионеров Ганы, он был приглашен Комитетом молодежных организаций СССР. Теперь я был гостем в его стране, и он считал себя обязанным показать мне ее.

— Завтра я еду в Пампрам,— сказал он.— Это на побережье к востоку от Аккры. Едем вместе!

В машине нас оказалось пятеро: шофер, Аллоти, я и два молодых немца из ГДР из «Свободной немецкой молодежи», которые преподавали автодело в школе юных пионеров. Поездка имела сугубо практическую цель: предстояло выбрать место для молодежного лагеря, где месяц должны были жить и работать вместе парни и девушки из Ганы, ГДР и Советского Союза.

Удивительно красива земля Африки!

Я смотрел в окно машины, а Аллоти, сидевший рядом, говорил:

— Смотри, как пусто кругом! Ни деревни, ни поля. А так не должно быть. Нам нужно продовольствие, а земля лежит без дела. Рядом Аккра, Тема. У вас вокруг городов каждый кусочек земли трудится. Мы хотим, чтобы здесь было так же. Но нужны машины, удобрения...

Что ж, Аллоти тоже был прав. Земля должна стать еще красивее, когда человек прикладывает к ней руки.

Место для лагеря с помощью пионерской организации Пампрама мы отыскали довольно быстро. Это был уютный уголок на берегу океана. Теперь нам предстояло в Пампраме встретиться с вождем. Он должен был дать согласие на то, чтобы земля в его округе была использована для лагеря.

В Гане еще имеют значение родовые связи и сохраняется институт вождей. В каждой области страны существует палата вождей. В конституции Ганы сказано, что эта палата «обладает такими функциями, относящимися к обычному праву, а также к другим вопросам, какие могут быть предусмотрены законом».

Проехав по узким уличкам Пампрама, мы остановились у двухэтажного дома, окруженного забором. Нас встретили и провели наверх по деревянной лестнице. Под лестницей лежало несколько тамтамов. На втором этаже в комнате средних размеров с невысоким потолком стоял низкий стол и вокруг него несколько одинаковых деревянных кресел с подушками. Нас пригласили сесть. Я хотел было опуститься в одно из них, но человек, встречавший нас, вежливо остановил меня и показал на другое. Несколько минут мы разглядывали простое убранство приемного зала, картину местного художника, изображавшую берег океана.

— Здесь новый вождь,— сказал Аллоти.— Старый недавно умер, и на его место избрали его родственника. Я с ним знаком. Раньше он работал в министерстве сельского хозяйства.

Занавеска, скрывавшая второй вход в комнату, раздвинулась, и вошел вождь. Это был высокий человек, с бритой головой, с крупными приятными чертами лица. На нем было кенте — национальная одежда ганцев, на ногах — широкие сандалии.

Мы встали, вождь сделал знак рукой, приглашая нас снова занять свои места, и сам сел в кресло, которое так опрометчиво хотел занять я.

По обычаю, в Гане вожди говорят с другими через специального посредника — его называют «лингвист». В этом случае роль лингвиста исполнял руководитель пионерской организации в Пампраме. Аллоти обращался к нему, потом наш лингвист передавал его слова вождю. Тот спокойно и внимательно выслушал все и потом заговорил сам. Он выразил удовлетворение, что в его округе будет работать молодежный лагерь, и пожелал ему успеха.

На этом официальная часть закончилась. Вождь стал задавать вопросы нам, и можно было отвечать на них без помощи лингвиста. Потом мы спустились во двор и сфотографировались вместе с вождем. Сначала снимал я, затем один из немецких друзей. Вождь поднялся наверх и из окна второго этажа помахал на прощание рукой, когда наша машина стала отъезжать от дома.

Сто, помноженное на...

Есть такой город в Гане, который называется Сухум. Лежит он к северу от столицы. Недалеко от него есть школа-интернат. Две девушки—учительницы из Советского Союза преподают там физику и математику.

В Аккре есть средняя школа для девочек. В ней тоже работают советские учительницы, которые преподают физику и математику.

Пятеро советских преподавателей обучают химии, физике и математике ганских мальчишек в одной из школ на окраине Аккры.

Я побывал в этих школах. Но есть еще много других — и на севере страны и на западе, где учат советские преподаватели. Их сто человек. Из Ленинградского педагогического института, из Ярославского, из Московского. Они приехали под африканское небо, чтобы помочь Гане вырастить ее новое поколение.

Если в Африке искать то новое, что принесла ей новая эпоха, то его нужно искать прежде всего в школах. В Гане никогда еще не было такого массового образования. При населении в семь миллионов человек в стране за партами сидят почти полтора миллиона. Образование стало бесплатным. Школы полны, тяга к знаниям растет.

— Замечательные мальчишки есть,— говорит Валя Прокофьева, рыженькая девушка с карими глазами. Она из Ярославля, слова произносит по-волжски, нараспев и с ударением на «о».— У меня в классе, например, есть один такой, мы его Адельсончиком зовем. То есть зовут его Самуэль, а фамилия Адельсон. Такой внимательный, просто приятно.

— А как учится? — спросил я.

— По-разному, по-разному. Но я им строго отметки ставлю. Они посмотрят на отметку и говорят: «О, таффі» Сурово, значит.

— А может быть, и вправду сурово? — попытался я вмешаться в педагогический процесс.

Но Валя решительно встряхнула волосами и сразу же пресекла эту попытку:

— Мы знаем, как нужно.

И действительно знают. Не случайно в новом учебном году ганские власти снова обратились с просьбой прислать учителей из Советского Союза. Сто человек — это небольшой отряд в армии работников просвещения Ганы. Но эту цифру нужно помножить на искреннее желание помочь, на добросовестность, на знания, на чувство дружбы. Сколько будет тогда?..

У учителей известные заботы: тетради, контрольные, дополнительные занятия, дисциплина. Но это все внешнее, а главное — это те, кто сидит за партами. Они следят за тобой внимательными глазами, они хотят понять тебя, выяснить, что ты за человек. Вдруг неожиданный вопрос о Советском Союзе, явно возникший из-за того, что учебник, по которому учится ганский парнишка, еще написан англичанами. Ты преподаешь физику, а вопрос совсем из другой области. И надо отвечать. Спокойно и просто, чтобы поняли.

Однажды у одной учительницы спросили: «Есть ли бог?» В Гане, где есть мусульмане, где много работала христианская церковь, на этот вопрос ответить не просто. Но ведь спрашивают...

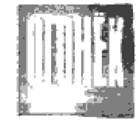
Вот какие неожиданные проблемы возникают у преподавателей точных наук. Но за все это время, пока советские педагоги работают в Гане, они слышали лишь слова благодарности.

И не только педагоги. В Гане работают многие советские специалисты — геологи, изыскатели, энергетики, строители. Каждый из них своим трудом кладет кирпичик в здание дружбы.

В Аккре я побывал на сооружении домостроительного комбината. Он воздвигается по советскому проекту с участием советских специалистов. В этом году комбинат должен вступить в строй. Он будет давать Гане каждый год детали для 267 домов различного типа.

На земле Ганы встанут здания, в которых будет вложен труд советского рабочего, советского инженера.

Это и называется интернационализм.

Лахти, 1965 год. И. Утробин финиширует.

Фото М. Боташева.

Размышления у лыжни

Дм. ВАСИЛЬЕВ, заслуженный мастер спорта, двенадцатикратный чемпион СССР

Добрая весточка долетела до нас из шведского городка Фурудель. Успех сопутствовал молодым советским лыжникам, выступившим в международных соревнованиях. Среди девушек отличилась Людмила Славова. Одного только шведского гонщика, П. Андерссона, пропустил вперед на пятнадцатикилометровой дистанции Вячеслав Веденин. И в те же декабрьские дни в Златоусте пятьсот уральских гонщиков вместе с лыжниками из других областей боролись за традиционный приз «Олимпийская трасса».

Так начался новый зимний сезон, и новые надежды зародились у многочисленных любителей лыжного спорта.

Тут я должен сразу же ограничить рамки своего обозрения: речь в нем идет только о мужчинах — по той причине, что именно они нас большей частью и огорчают. А ведь советские гонщики имеют репутацию одних из лучших в Европе, и лыжники скандинавских стран издавна считают их своими главными соперниками.

Особой яркости и остроты достиг спор советских и скандинавских гонщиков за последние годы. И началось все в предместье норвежской столицы Осло на Холменколленских играх в 1948 году. В этой первой послевоенной пробе сил наши лыжники добились неплохих результатов. В гонке на 50 километров М. Протасов занял 4-е место, а И. Рогожин — 8-е место, позади остались многие шведские и норвежские спортсмены. А спустя 6 лет в Советский Союз приехали сильнейшие финские лыжники во главе с олимпийским чемпионом, победителем Холменколленских гонок, знаменитым Вейко Хакулиненом, и в первой же гонке на 30 километров наш молодой лыжник Владимир Кузин победил финна Сало и прославленного В. Хакулинена. А вскоре на чемпионате мира в шведском городе Фалуне Владимир Кузин завоевал две золотые медали и стал королем лыж. Такого крупного успеха не знал еще ни один лыжник мира.

Прошло два года — и на Олимпийских играх в итальянских Альпах в Кортина д'Ампеццо снова успех: наша команда в эстафете 4×10 километров — Ф. Терентьев, П. Колчин, Н. Аникин, В. Кузин — заняла первое место.

Мы все надеялись тогда, что это только пролог, что за этими победами последуют новые. И ошиблись. На первенстве мира 1958 года в Финляндии, в Лахти, наши лыжники побед не имели. Лучшим из них был Павел Колчин, занявший вторые места на 15 и 30 километров. В эстафете 4×10 километров советские спортсмены заняли 2-е место, проиграв шведам. На Олимпийских играх 1960 года в Скво-Вэлли (США), на первенстве мира 1962 года в Закопане (Польша) и на Олимпийских играх 1964 года в Инсбруке (Австрия) мы выступили еще хуже: в эстафете 4×10 километров спустились на третье место, а в личных гонках тоже выше третьих мест не поднялись.

И последующие соревнования принесли нам большие огорчения. В чем же причина неудач? Попробуем разобраться.

«Аэлита» из Львова

Перед вами «Аэлита» и ее создатель львовский рабочий Виталий Головешко. В ней все, за исключением мотора, заднего моста и колес, сделано с помощью молотка и наковальни. Более десяти тысяч километров прошел самодельный автомобиль по трудным трассам Карпат и Крыма. Развивал при этом он завидную скорость — до ста километров в час — и вез, кроме двух человек, еще до 350 килограммов груза.

О. ГУСЕВ

Фото М. Равера.

Тридцать семь именинников

Все было, как всегда, и вместе с тем необычно. Был зал и публика, речи и подарки, цветы и пионеры. А необычной была сама атмосфера, в которой проходил этот праздник большой семьи завода «Станколит». Именинники — кадровые рабочие, гордость завода, люди, проработавшие тут тридцать лет.

Юбиляров тридцать семь. Их биография — история завода. Это они помогали строить «Станколит», а потом выпускали первые отливки для первых токарных станков «ДИП».

Поздравляли именинников друзья, руководители завода, секретарь Тимирязевского райкома КПСС В. Быков. Приехали на праздник и шефы — большой хор Всесоюзного радио и телевидения.

Р. ЛИХАЧ

На снимке: дети принесли цветы.

Фото автора.

ДОМ НОВОГО БЫТА

Рассказывает архитектор Н. ОСТЕРМАН

Это рассказ об одном архитектурном решении, когда зодчие пытаются заглянуть в завтрашний день советского градостроительства. Они постарались создать жилые дома, которые отличала бы не только удачная планировка, привлекательный облик,— жильцы тут будут обеспечены всесторонним обслуживанием.

Проект уже претворяется в жизнь: в десятом квартале Новых Черемушек идет опытное строительство двух шестнадцатиэтажных жилых корпусов, соединенных двухэтажным блоком. Здесь будут жить 2 200 человек. Квартиры однокомнатные, в две и три комнаты. А большие семейные «кланы» смогут получить две смежные квартиры. Переступив порог нового жилища, хозяин найдет здесь мебель и все необходимое оборудование, компактную кухню-шкаф с электрической плитой, мойку, малогабаритный холодильник...

Наш корреспондент, побывав на строительной площадке, беседовал с руководителем авторской группы Н. А. Остерманом из Московского института типового и экспериментального проектирования.

— Работая над проектом,— рассказал архитектор,— мы исходили из Программы КПСС. Благоустройство быта советского человека, забота о его здоровье и физическом воспитании — все это определило характер и направление наших творческих поисков. Само собой разумеется, одним архитекторам и конструкторам такая задача оказалась бы не под силу. Поэтому мы трудились вместе с представителями примерно тридцати специализированных организаций и научно-исследовательских институтов.

Мы хотим, чтобы квартиры были удобны, радовали людей. Внутренняя отделка и мебель, равно как и другие элементы интерьера, решаются в едином художественно-декоративном ансамбле. Цветовая гамма для каждой квартиры своя.

И еще. Мы добиваемся, чтобы в комнатах было как можно больше простора. Поэтому мебель тут, как правило, встроенная. Обеденные и письменные столы откидные. Вместо межкомнатных перегородок — доходящие до потолка шкафы-стенки с отделениями для белья, верхнего платья, обуви, шляп, чемоданов...

Другая интересная деталь: лампы в квартирах будут перемещаться в плоскости потолка. Их можно подтянуть к тому месту, где потребуется яркое освещение.

Теперь система обслуживания.

В двухэтажном блоке, соединяющем жилые корпуса, запроектирована кухня, способная приготовить четырнадцать тысяч блюд в сутки. Рядом — просторный обеденный зал. Вечером он превратится в

Зло таится в первую очередь в системе подготовки гонщиков. В этой области за последние годы, на наш взгляд, мы допустили серьезные просчеты. Основой подготовки советских лыжников в предыдущие годы являлись длительные тренировки с переменной скоростью, с большим напряжением сил. Такие тренировки создавали прочную основу для борьбы на дистанции и способствовали воспитанию необходимых качеств, таких, как трудолюбие, выносливость, сила, упорство, скорость и способность организма восстанавливать затраченную энергию в процессе работы. Но в последние годы большее внимание в подготовке стали уделять повторным тренировкам на небольших отрезках дистанции, что привело к тому, что наши лыжники утратили способность бороться и побеждать в напряженной, длительной борьбе.

Особенно это сказалось на 50-километровой дистанции. Этим и объясняются систематические проигрыши наших лыжников скандинавам за последние шесть лет. На первенстве мира в Лахти (1958 год) лучшим из советских лыжников на марафонской дистанции был А. Шелюхин, занявший 8-е место и проигравший победителю 7 минут. На Олимпийских играх 1960 года Ваганов был седьмым, проиграв 6 минут 21 секунду. На первенстве мира в Закопане Г. Ваганов был только десятым, проиграв победителю 6 минут 1 секунду, и, наконец, на Олимпийских играх 1964 года И. Ворончихин был одиннадцатым.

Кто же сейчас продолжает борьбу со скандинавами? Прежде всего следует вспомнить Геннадия Ваганова и Ивана Утробина. Они брали старт еще вместе с П. Колчиным, не раз выигрывали первенства страны, но сейчас они уже являются представителями старшего поколения в сборной команде, хотя еще полны сил и неиспользованных возможностей. Самое тревожное то, что представители следующего этапа в эстафете поколений продолжают тренироваться, не учитывая в полной мере опыта сильнейших лыжников мира. Я имею в виду таких гонщиков сборной команды, как И. Ворончихин, А. Акентьев, Б. Гизатулин. Нет стабильности в их выступлениях. Результаты то возносятся вверх, то отбрасывают гонщиков далеко назад. Достаточно вспомнить итоги трех традиционных международных соревнований 1965 года. В Фалуне лучший результат среди наших гонщиков имел И. Ворончихин — 32-е место в гонке на 30 километров. В Лахти Н. Аржилов был вторым в гонке на 50 километров, а Утробин — вторым в гонке на 15 километров. Казалось бы, дело пошло на лад, но после этого в Холменколлене снова неудача: И. Ворончихин опять 32-й в гонке на 15 километров, а Б. Гизатулин на дистанции 50 километров показал всего лишь 18-й результат.

Это обидно, потому что наши лыжники и технически и морально подготовлены хорошо и ни в чем, казалось бы, не должны уступать своим скандинавским соперникам. Они могут на равных бороться со скандинавскими корифеями, и хочется верить в то, что им это удастся нынешней зимой. Вместе с этими лыжниками будут, видимо, бороться на международных соревнованиях и гонщики нового этапа, такие, как В. Веденин, В. Тараканов, В. Круглов, А. Колегов, А. Наседкин. Это все хорошее пополнение сборной команды страны.

Сезон предстоит интересный. На чемпионате мира в Норвегии будет отмечаться столетие лыжных гонок. В Холменколлене выступят лучшие гонщики. Там мы увидим и новое пополнение сильнейших гонщиков мира — скандинавов. У них смена этапов происходит незаметно и четко. Так, многократный чемпион мира и Олимпийских игр швед С. Ернберг, сойдя с лыжни, тут же передал эстафету А. Рённлунду, который прошлой зимой дважды занимал первые места на международных соревнованиях. Лыжный король финнов В. Хакулинен завещал свое наследство Е. Мянтюранта, двукратному чемпиону IX Олимпийских игр в Инсбруке, и К. Ойкарайнену, победителю международных соревнований в Ленинграде. По-прежнему очень сильно выступает норвежец Грёнинген и молодой норвежский гонщик Л. Скьемстад, победитель Холменколленской гонки на 50 километров. Словом, будет с кем состязаться советским лыжникам на юбилейном чемпионате мира и на других крупных соревнованиях. К этим гонкам они сейчас и готовятся.

кафе. К услугам жильцов на всех жилых этажах оборудуют кухни и небольшие обеденные комнаты. Там можно приобрести полуфабрикаты и продукты и, если есть желание, самому приготовить обед или ужин. Прибавьте к этому электроплиты в квартирах... Как видите, мы постарались угодить любому вкусу, учесть различные интересы.

Весь «ассортимент» бытовых служб расположится под одной крышей. Не выходя на улицу, можно отдать белье в стирку, одежду — в химчистку, побывать в парикмахерской, в бюро добрых услуг. Для желающих — домовая прачечная, помещения для глажения одежды, шитья.

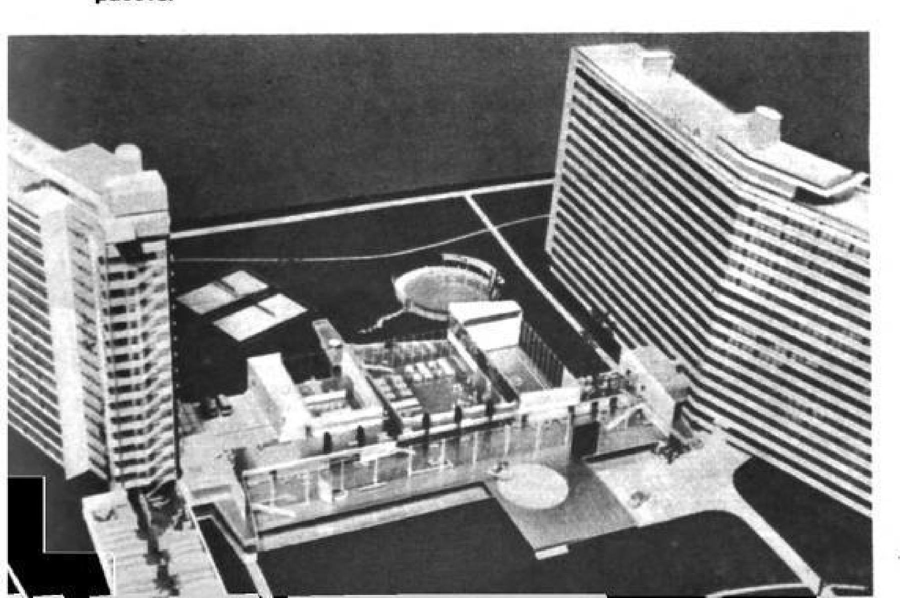
Многое подсказали архитекторам медики. Намечено устройство своеобразного филиала районной поликлиники. Врачи здесь будут не только являться на вызов к больному, но и систематически обходить квартиры в порядке профилактики.

Мы включили в жилой комплекс большой спортивный зал, зал снарядной гимнастики, помещения для любителей тяжелой атлетики.

Свыше трехсот квадратных метров площади отдается детям. Тут и комната для малышей, и зал подвижных игр, и плавательный бассейн. А на открытом воздухе — детский городок, защищенный от дождя прочным навесом.

Наше воображаемое путешествие по жилому комплексу заняло бы много времени. Всего не перечислишь. Тут будет и зрительный зал на 400 мест, и библиотека с читальней, и клуб, и кинофотостудия, и телерадиоузел, и многочисленные мастерские.

Жизнь покажет, что в проекте требует усовершенствования. Многое подскажет общественность, в частности актив московских комсомольцев: они с самого начала проектирования участвуют в нашей работе.

Моды, напалм и безлобые

Проводы старого и встреча нового года — общепринятая традиция. Не изменил ей и американский журнал «Лайф», выпустив по этому поводу специальный сдвоенный номер. Какие же итоги подводят в журнале за 1965 год, что планируют, о чем мечтают, встречая год 1966-й?

С бухгалтерской точностью «Лайф» итожит количество боевых самолетовылетов и сброшенных бомб. «Более тридцати типов самолетов,— подсчитывает журнал,— загруженных всем — от пропагандистских листовок и комиксов до напалмовых, зажигательных и фугасных бомб,— действуют во Вьетнаме. Только за одну неделю они сделали 17 570 вылетов. База в Дананге сегодня является одним из десяти самых оживленных аэропортов в мире. Более 800 вертолетов перебрасывают войска по воздуху, эвакуируют раненых и даже служат своего рода воздушными танками. Но наиболее потрясающими из всех являются колоссальные «летающие крепости», которые, поднимаясь с их базы на острове Гуам, преодолевают 2 600 миль, чтобы бомбить хижины и бараки в джунглях».

С какой гордостью перечисляются эти цифры! А на журнальном развороте под ними дается цветное фото — море напалмового огня накрыло джунгли, можно только разглядеть кусочек крыши какой-то хижины. Читаешь и разглядываешь все это, и невольно встает вопрос: не смогут ли господа из «Лайфа» объяснить хотя бы в 1966 году, почему такая колоссальная военная мощь бессильна перед лицом борющегося вьетнамского народа?

Но не только вьетнамское небо представляется редакторам «Лайфа» воздушным полигоном. Весь новогодний звездный небосклон видится им стратегическим объектом для запуска спутников-шпионов. Журнал и в этом плане подводит еще один итог: в 1965 году американские спутники-шпионы впервые смогли включить в сферу своей деятельности всю планету, от полюса до полюса. Вот так! Не небо, а одна сплошная замочная скважина!

На своем новогоднем празднике «Лайф» кое-чем гордится, а кое-чем и возмущается. Например, возмущается тем, что многие считают Соединенные Штаты международным ростовщиком и колонизатором. И не только во Вьетнаме или Санто-Доминго. Журнал с наигранным удивлением пишет: «Многие месяцы во Франции раздаются голоса, что американские корпорации-«монстры» (определение, данное французским министром финансов) пытаются превратить Францию в свое феодальное поместье». Негодует «Лайф» и на непонятливых доминиканцев. Чего им еще надо? Даже американскую морскую пехоту им прислали. А ведь это дорогой подарок. Подороже любых новогодних презентов! Или они не знают, сколько стоит современная дивизия?! Порицает журнал и мировую общественность. Ведь именно 1965 год должен был войти в историю как торжество западной цивилизации. Ареной этого торжества должна была стать всемирная выставка в Нью-Йорке. Сам заголовок статьи на эту тему говорит о многом: «Грандиозная ярмарка заканчивается грандиозным фиаско». Еще более красноречив текст статьи: «Закрытие выставки было ознаменовано сценами вандализма и грабежа. Чопорные леди зверски выдрали из земли все 90 тысяч хризантем, которые были высажены здесь в сентябре при закладке парка. Посетители сбивали вывески, опрокидывали урны, ломали флагштоки и срывали флаги, тащили все, что попадалось под руку,— от солонок до фотоаппаратов. В то время как туристы обчищали выставку, вкладчики получали печальные известия. Корпорация выставки смогла выплатить только 50 центов на каждый доллар держателя акций...» Одна из главных затей западной пропаганды в 1965 году лопнула, как мыльный пузырь.

Но надо же наконец чем-нибудь потешить читателя под новый год! Например, модами на 1966 год. На миниатюрных женских купальных трусиках сзади нарисованы... глаза. Один прищурен, другой открыт. Идет женщина в таких трусиках по пляжу, а «глаза» как бы подмигивают. Или еще женский наряд: на голое тело надевается сетка в крупную клетку, с ног до головы. Вроде бы одет и вроде бы голый. Журнал, разумеется, демонстрирует и этот крик моды на фотографии, под которой стоит игривая подпись: «Русалка в сетке».

От подобных мод журнал в следующем своем разделе совершенно естественно переходит к тому, что сегодня на Западе называется искусством. На самой крупной фотографии изображено, очевидно, самое выдающееся, с точки зрения журнала, культурное событие 1965 года. На крыше автомашины лежит, закинув руки за голову, обнаженная девица. Полуголый верзила старательно втирает в ее тело... макароны. Идет очередное представление в американском артистическом центре в Париже. «Сочетание секса и садизма» — вот, по мнению «Лайфа», знамение времени в современном искусстве. В связи с этим, вероятно, журнал в своем специальном номере в тысячный раз старательно рекламирует «агента 007» Джеймса Бонда — героя многих пошлых детективных фильмов, бесчеловечных по своей сути. По сравнению с такого рода «искусством» даже творения абстракционизма образца 1965 года, щедро представленные в номере, выглядят вполне безобидно. Во всяком случае, они просто непонятны. Журнал сам задается неразрешимым вопросом: что это — картины или скульптуры?

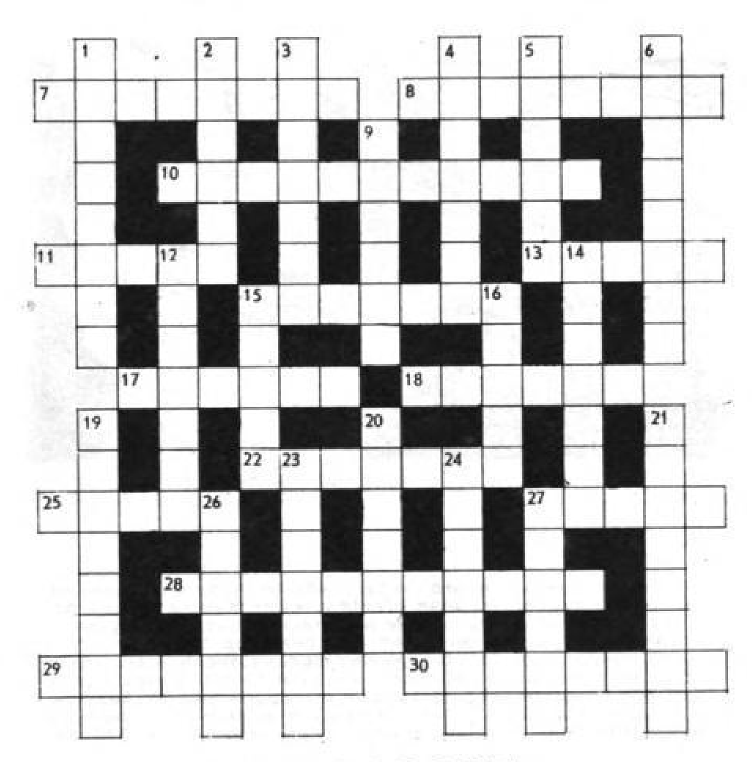
В канун нового года положено помечтать и о будущем, каковое обычно связывается с молодежью. Занялся этим и «Лайф». Он посвятил большой материал «битлзам» — джазовому квартету из веселых молодых англичан, завоевавших всемирную известность. К их искусству можно относиться по-разному. Английская королева, например, наградила их недавно орденами. «Лайф» же обращает внимание на то, что «битлзы» стали законодателями моды среди молодежи, начиная с прически. Волосы у них закрывают лоб и уши. У такого не прочтешь, что у него на лбу написано. По поводу этой моды журнал приводит такое высказывание некой юной блондинки: «Все говорят о прическе «битлзов». Я лично не могу выносить людей с открытым лбом. Лоб — это фальшивка».

В заключение статьи о «битлзах» журнал приводит их кредо: «Мы ни за что не боремся. Мы просто поем и развлекаем». «Пойте и развлекайтесь! Стыдитесь большого, умного лба и ни о чем не думайте»,— как бы рекомендует журнал читателям.

Что ж! Довольно показательный итог номера: безлобых легче отправлять во Вьетнам.

В. НИКОЛАЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Скульптурное изображение. 8. Современный мексиканский живописец. 10. Роман Майн-Рида. 11. Горы в Румынии. 13. Сильный внезапный порыв ветра. 15. Порт на берегу Тирренского моря. 17. Эластичный материал. 18. Парусный корабль. 22. Морское млекопитающее семейства дельфиновых. 25. Помидор. 27. Деньги, выдаваемые под отчет. 28. Гриб. 29. Немецкий композитор. 30. Город в Красноярском крае.

По вертикали:

1. Спортсмен. 2. Кормовое бобовое растение. 3. Свидетельство о рождении. 4. Остров Малой Курильской гряды. 5. Рассказ М. Горького. 6. Тригонометрическая функция. 9. Горячий источник. 12. Пушной зверек. 14. Народный артист СССР. 15. Сетка для ловли рыб, насекомых. 16. Река в Архангельской области. 19. Птица отряда куликов. 20. Английский естествоиспытатель. 21. Разновидность линолеума. 23. Врач. 24. Русская народная сказка. 26. Молочный продукт. 27. Сырье для изготовления красителей.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

2. Вальс. 4. Серпантин. 6. Снег. 8. Духи. 10. Агама. 12 Гарус. 15. Сироп. 17. Парик. 18. Флорестан. 19. Кулич. 21. Плятт. 22. Марал. 23. Спидометр. 24. Азамат. 25. Карачи.

По вертикали:

1. Телеграмма. 2. Вечер. 3. Сонет. 4. Сани. 5. Нуха. 7. Гастроль. 8. Дамьетта. 9. Карикатура. 11. Барокамера. 12. Гирлянда. 13. Суффикс. 14. Снегурочка. 15. Синклер. 16. Пелерина. 17. Папаха. 20. Чулаки.

Встреча с Кастелянщиным

Рассказ

Бор. ЕГОРОВ

Прошлой осенью отдыхал я в городе Сочи. Это только одно слово — отдыхал. А на самом деле никакого отдыха не получилось. Весь отпуск был испорчен с самого начала. И настроение серенькое, дождливое.

А вокруг светило солнце, плескалось море и благоухала разная вечнозеленая растительность.

Не успел я порадоваться всем этим красотам, как меня потащили в милицию, а потом — на суд.

— Подсудимый Петров, встаньте! — сказал судья.— И расскажите, почему вы ударили на пляже гражданина Кастелянишина. Ведь он вас не ударял?

— Не ударял,— говорю.

— Не оскорблял?

— Не оскорблял,— говорю.

— Не грабил?

— Не грабил,— говорю.

— Странно,— заключает судья.— Вы хороший производственник, путевку бесплатную получили. И вдруг такое хулиганство! Ознакомьте нас, что случилось.

И я начал рассказывать.

... Стою я у моря. Как положено, в трусиках. Любуюсь зайчиками солнечными, которые на воде играют. Состояние души такое, что прямо петь хочется. И вдруг кто-то окликает меня. Оборачиваюсь и неожиданно вижу гражданина Кастелянишина, бывшего сослуживца.

— Как живешь? — спрашивает.

Говорю:

— Ничего.

— Какие новости?

— Особенных нет.

— Ну вот, давно не виделись, и нет новостей. Как-то ты серенько живешь.

— Как могу.

— Ты, кажется, мрачный?

— Я не мрачный.

— А мне показалось... На работе, может, какие неприятности?

— Нет.

— А чего ж ты тогда какой-то не такой?

— Обыкновенный.

— Как-то ты односложно отвечаешь. У тебя с женой все в порядке?

— В каком смысле?

— Ну так. Вообще...

— В порядке.

— А здесь вы вместе?

— Нет, один.

— Значит, все-таки оставил ее одну. Значит, чего-то не того... Ты поделись со старым товарищем. Легче станет.

— Слушай, оставь эти вопросики. Я приехал отдыхать...

— Ты вроде нервный стал....

— Не думаю.

— А если нервный, брат, то лечиться надо. Щитовидку не проверял?

— Нет надобности.

— А желчный пузырь?

— Не беспокоит.

— Тебе надо на солнце меньше быть.

— Я сам знаю, сколько мне надо быть на солнце!

— Ну вот, и опять взорвался! Пошаливают у тебя нервишки. Или что имеешь против меня?

— Ничего не имею.

— Значит, не хочешь говорить со мной.

— Почему?

— Это уж я спрошу, «почему?». Зазнался, наверно.

— Не зуди, умоляю!

— А зазнайство, знаешь, к чему ведет?..

...Судья прервал меня, не дав мне пересказать весь разговор.

— Товарищ Петров, вы ударили гражданина Кастелянишина?

— Ударил.

— И правильно сделали! Это я вам как человек скажу, но как судья...

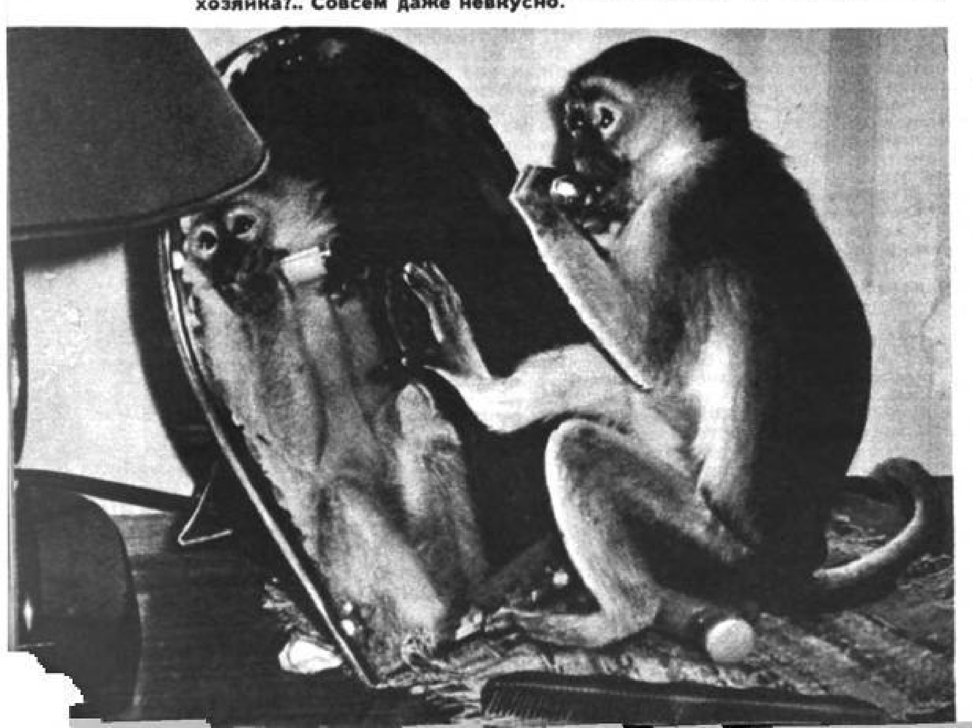
В общем, меня оштрафовали и отпустили. Вот с таким настроением я и загорал.

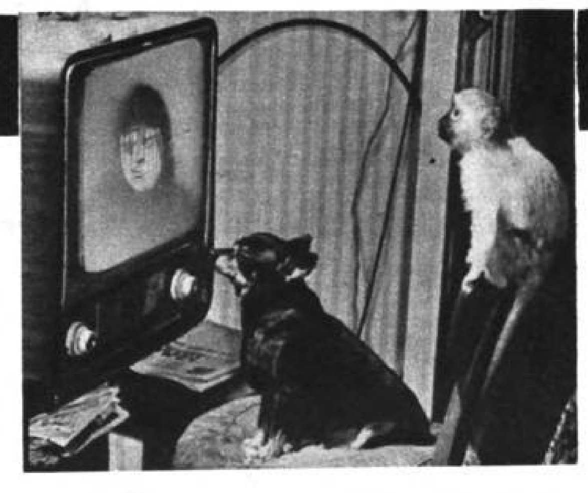
А вам не встречался Кастелянишин?

ХОЗЯЕВА УШЛ

Хозяева ушли в гости, а обезьянку Чами и собачку Хеппи оставили одних в пустой квартире.

Не успела за хозяйкою закрыться дверь, как Чами заняла ее место у зеркала. Чесаться гребенкой ей не понравилось. Ногой гораздо удобнее. Зато губная помада... Однако что находит в ней хозяйка?.. Совсем даже невкусно.

— Когда же наконец начнется новогодняя передача?

— А что, если написать поздравительные письма своим коллегам в зоопарк?..

— Посмотрим, не осталось ли на кухне чего-нибудь вкусненького.

Забавные мелочи

ДАР ПРИРОДЫ

Эта картофелина, напоминающая зверюшку, уродилась на полях Тульской области.

В. Шакун
Фото Э. Насырова.

РУЖЬЕ-КИСТЬ

Вот как создает свои так называемые творения француженка Ники де Сант Фалле. Художница прикрепляет к холсту баночку с красками и затем стреляет в нее из ружья.

ПЛАТЬЕ-КОКОН

Столь оригинальный женский наряд был продемонстрирован на выставке мод в западногерманском городе Висбадене.

ИДЕАЛЬНЫЙ МУЖ

Лондонский почтовый служащий Джордж Рафелл стал обладателем «голубой ленты идеального супруга». В состязании принимали участие 1 400 претендентов. Победитель конкурса, помимо ленты, получил 500 фунтов стерлингов. На эти деньги Рафелл сразу же приобрел различный кухонный инвентарь, который значительно облегчит труд его жены.

Жюри, состоящее из сотрудников Британского института по ведению домашнего хозяйства, присвоило ему первое место, исходя из таких пунктов: 1. Джордж Рафелл приносит каждое утро завтрак своей жене в постель. 2. Ежедневно помогает ей при выполнении всех домашних работ. 3. Вместе с супругой делает в магазине различные закупки. 4. Никогда со своей женой не ссорится. 5. Свою верхнюю одежду ежедневно вешает на вешалку.

Добрые приключения сказки

Помните ли вы веселых и трогательных мальчишек, придумавших игру, которая называлась очень весело и таинственно «Тамбу-Ламбу»?

Много лет назад молодой кинорежиссер В. Бычков сделал об этом фильм, покоривший сердца юных зрителей.

С тех пор зрители успели повзрослеть; у режиссера В. Бычкова подросли сыновья. Но он по-прежнему любит сказки о героях, любит романтику. Выбирая тему нового фильма, Бычков по совету Самуила Яковлевича Маршака остановился на «Городе мастеров».

Это сказка о вольном городе, где в достатке жили мастера, счастливые своим трудом и покоем, гордые своей свободой. Когда нашествие врагов обрушилось на город, его вольнолюбивые обитатели поднялись на борьбу и изгнали злых захватчиков.

Работа над картиной была увлекательной, но сложной.

По старинным преданиям известно, что в те далекие времена люди были рослые, и актеров стали подбирать богатырского сложения, но когда на них начали примерять латы, взятые в Эрмитаже, выяснилось, что впору они только самому низкорослому.

В сказочном фильме своеобразна и пластика актера. Нужны были актеры пантомимы, их заменили студенты Московского циркового училища. Они обнаружили большую творческую фантазию, самоотверженно трудились в сложных трюковых съемках. Жители Таллина, где велись эти съемки, не раз восторгались их ловкостью и изобретательностью.

В цветном фильме «Город мастеров», который снимала студия «Беларусьфильм», в главных ролях заняты Георгий Лапето, Марьяна Вертинская, Лев Ламке, Савелий Крамаров. Вместе с актерами в забавных и смелых приключениях героя по имени Караколь принимают участие школьники. А среди них сыновья режиссера Вася и Митя Бычковы.

Ребята с наслаждением участвуют в схватках с врагами, которые запрещают мастерам жить, дышать, улыбаться, дружить, веселиться и радоваться жизни; вместе с Караколем разрушают они их злые козни и празднуют победу добра над злом.

Картину «Город мастеров», как и «Тамбу-Ламбу» в свое время, смотрят с удовольствием не только дети. Сделанная с большим вкусом, фантазией и мастерством, она и взрослым доставляет радость.

Н. ЖЕЛЕЗНЯКОВА

На последней странице обложки: Кадры из фильма «Город мастеров».

На первой странице обложки:

Старт дан.

Фото А. Бочинина.

И В ГОСТИ

Фото О. КНОРРИНГА.

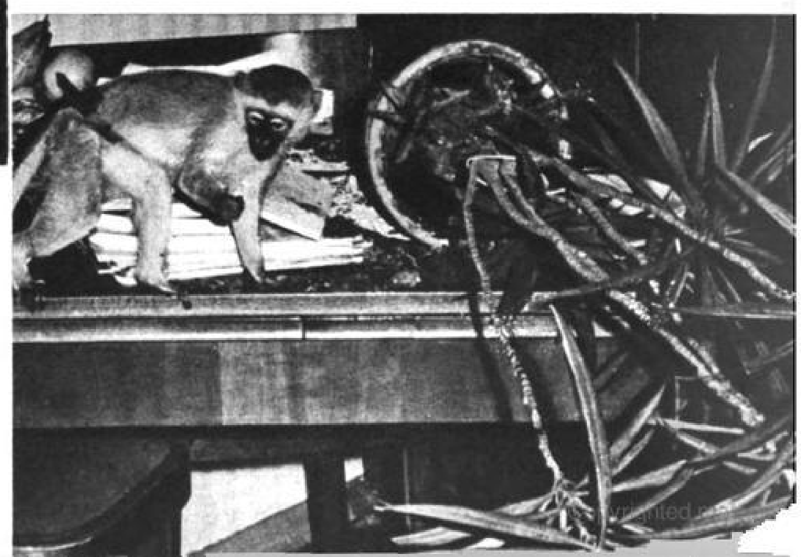

— Ага! Кажется, что-то есть.

В книжках Чами ничего для себя интересного не обнаружила. Непонятно, зачем это люди часами сидят, уткнувшись в них носом. То ли дело забраться на цветок: ведь он так напоминает маленькую пальму.

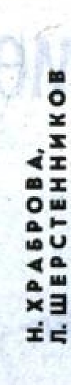
— Тоже мне пальма! Даже покачаться на ней нельзя. Теперь мне, конечно, попадет.

Варенье — это уже вещь. А ужинать гораздо удобнее не на стуле, а на вешалке для полотенец.

КОНЦЕРТ

Н. ХРАБРОВА,
Л. ШЕРСТЕННИКОВ

Аве Мария...

Семь веков этим сводам.

Медленно сгущаются сумерки. Вечерней чернью покрывается Даугава, смолкают дома. Деревья в парках опустили свои нашумевшиеся за день ветки. Приглушен говор людской и голос машин.

Темна громада Домского собора. И вдруг разом загораются теплым золотом высокие узкие окна и граненые старинные фонари.

Он очень стар, этот собор — каменная колыбельная песнь Риги. Глубоко в землю впечатал его основание неуступчивый и аскетический XIII век, XV — смягчил и вознес к небу суровые линии, а философский и атеистический XVIII — еще приподнял кивер и заменил трагический крест на симпатичного и чуть даже кокетливого петушка.

Стальные стены, тяжелые, кованые двери, высокие сходящиеся своды... И все это словно оживает: раздается отдаленный гул, суровый и грозный, как голос веков. От этого ощущения трудно отрешиться, хоть мы и видим, как Петерис Сиполниекс осторожно опускает руки на ступенчатую клавиатуру домского органа.

Теперь будет нарастать, становиться всепроникающим голос органа. Мы услышим Баха, Генделя, Моцарта, Креба, Вивальди, Босси, Лемара. Второе столетие звучит музыка под сводами. Она все та же и совсем иная. Тогда она была сужена мессой, звучавшей здесь, с ее мольбой: «Подай, господи!» Теперь она шире, щедрей. Она говорит: «Возьми, человек!»

Это — Искусство. Музыка. Просто музыка, без молитв и без корысти. Тысяча чьих-то призывов на языке музыки, понятных векам и народам. Тысячи откликов в душе. У каждого — по-разному. Слушай.

А когда все кончится, с людским потоком мы выйдем из собора в сырую тьму городского вечера, и захочется рассказать о домском органе тем, кто еще не был здесь, не слышал его.

Собор горел, разрушался, обновлялся. Нынешний орган приходится правнуком первому, тому, что сгорел во время пожара 1547 года. В 1594 году был создан новый орган, а в 1601 году Якоб Раде, мастер из Германии, усовершенствовал его. Почти три века жил второй орган. Когда он устарел, в 1883—1884 годах в Домском соборе был установлен орган вюртембергской фирмы «Валкер». Старый орган умолк, но не ушел: он был

Петерис Сиполниекс.

очень красив и остался в соборе до наших дней.

Третий орган считался самым большим и самым лучшим в мире. В нем было 127 регистров, воспроизводящих голоса всех музыкальных инструментов. Целый симфонический оркестр! И, кроме музыкальных инструментов, были в нем голоса ветра, моря и грома, голос соловья и женщины, и даже голос архангела Гаврила!

Во время оккупации Риги гитлеровцы не пощадили работы древних мастеров: 700 труб были украдены и исчезли бесследно.

В 1959 году, когда Домский собор был передан Историческому музею, началась реставрация здания и реставрация органа. Из ГДР приехали в Ригу представители органной фирмы «Герман Ойле». Они работали в Домском соборе полгода, и снова зазвучал старый орган всеми своими 6 786 трубами, всеми своими 127 голосами. Домскому собору выпала счастливая участь — он стал филиалом Латвийской филармонии, огромным концертным залом с полутора тысячами мест. Органисты Советского Союза, Германии, Польши, Чехословакии, Бельгии считают счастьем побывать в рижском Домском соборе...

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

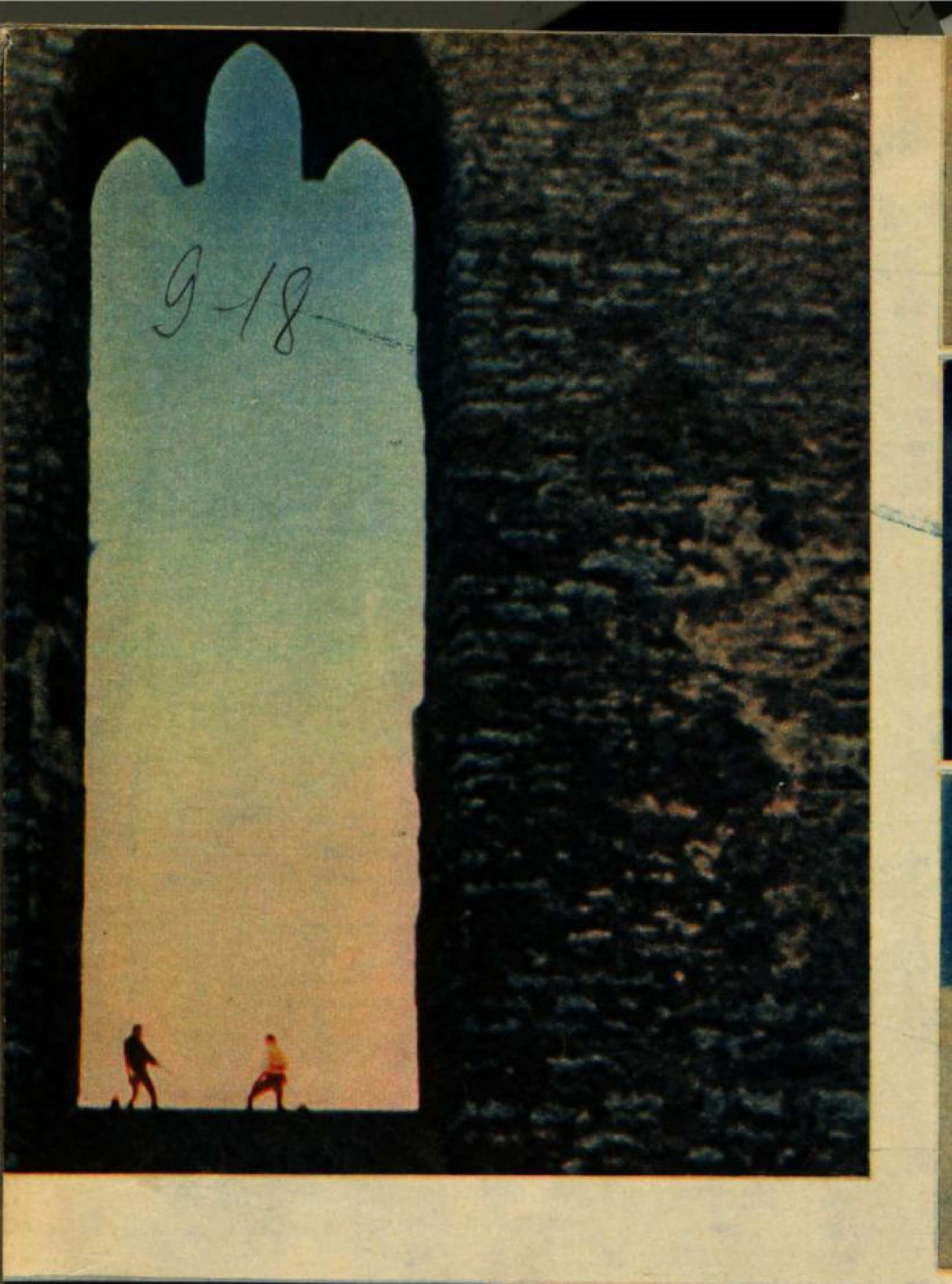
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02153. Подписано к печати 5/I 1966 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 3617. Тираж 2 100 000. Изд. № 33.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663